

Пионеры 55-й и 65-й школ дают торжественное обещание в траурном зале Музея В. И. Ленина.

крепко, как сталь. А потом в дальний конец зала выходит совсем маленькая девочка. Она отдаёт пионерский салют товарищам, и здесь, в Ленинском зале, читает стихи о красном галстуке:

«Как получишь галстук, береги его,

Он ведь с нашим знаменем цвета одного.»

На шее у девочки только что повязанный красный галстук. Стихи звучат, как клятва.

Подана команда вынести знамя. Уходят отряды. В коридорах они разбредаются. Целой толпой ребята задерживаются на лестнице у мраморной доски. На сером мраморе начертаны золотом слова Иосифа Виссарионовича Сталина:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних, — по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое,— в этом один из важных заветов Ильича».

Ребята идут по залам музея. Вот они проходят мимо макета домика в Шушенском. Электрическая лампочка мягко освещает занесённый снегом сибирский домик. В таком вот доме, далеко в Сибири, в ссылке сидели и работали по вечерам Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Вот вещи, которые с Лениным были в Разливе: коса, котелок, грабли, топорик.

Вот шинель, подаренная Ленину, полное красноармейское обмундирование, — недаром бойцы Туркестанского фронта назвали Ленина первым красноармейцем революции.

Вот на фотографии Ленин вместе со Сталиным в Горках, весёлые, улыбающиеся, разговаривают они друг с другом.

Вот часы Ленина, простенькие чёрные часы. Они остановились давно, почти двадцать пять лет тому назад. Ленин слышал, как они тикают, и совсем рядом с часами билось ленинское сердце.

Чинно, придерживая галстуки, осторожно ступая, проходят ребята возле огромной скульптуры, на которой Ленин изображён работающим в Разливе. Ленин сидит, склонившись, что-то пишет, и с восторженным вниманием рассматривают его ребята.

Нет, никогда они не забудут этот день.

Борис Емельянов

ЛЕНИН НА ЭКЗАМЕНЕ *в университете*

А. Дорохов

...Актовый зал Петербургского университета переполнен. Студенты тесным кольцом окружили покрытый зелёным сукном стол, за которым сидят экзаминаторы. На лицах студентов отразилось волнение за своего товарища, который стоит перед столом, слегка опершись на золочёный стул.

Но мы видим, что эта тревога напрасна. В глазах экзаменующегося столько решимости и воли, столько уверенности в своих знаниях, что любой вопрос ему нестрашен. Старик-профессор смотрит на юношу, не скрывая удовлетворения его ответами.

Так изобразил художник В. М. Орешников молодого Ленина, сдающего экзамен в Петербургском университете.

Но почему же все студенты в форменных сюртуках или тужурках, а Ленин в штатском?

Вопрос этот очень существенный. Только ответив на него, можно понять, почему художник выбрал из биографии Владимира Ильича Ленина именно этот момент.

Художник изобразил Ленина в минуту его первого поединка с царским правительством.

В 1887 году Владимир Ильич окончил с золотой медалью гимназию и поступил в Казанский университет. Россия переживала тогда мрачные годы реакции. Царское правительство только что разгромило революционные организации народовольцев, подавило крестьянское восстание, заполнило тюрьмы борцами за свободу. Старший брат Владимира Ильича Александр был арестован по делу о подготовке покушения на царя Александра III и казнён.

Царское правительство опасалось студентов, среди которых были честные горячие юноши, не хотевшие мириться с угнетением народа. Боясь новой вспышки революционного движения, правительство жестоко преследовало любую попытку молодёжи принять участие в политической жизни. Оно запретило всякие студенческие организации, зорко следило, чтобы учащиеся не читали запрещённой литературы, арестовывало и высылало каждого юношу, который пытался протестовать против произвола.

Владимир Ильич примкнул к революционной части студентов Казанского университета. Когда 4 декабря 1887 года в университете вспыхнуло волнение, Ленин оказался среди самых активных участников студенческого собрания, предъявившего университетскому начальству политические требования.

В ту же ночь Владимир Ильич был арестован полицией. А на следующий день, 5 декабря, он был исключён из университета и потом выслан за сорок километров от Казани, в деревню Кокушкино, где уже жила в ссылке его старшая сестра Анна Ильинична.

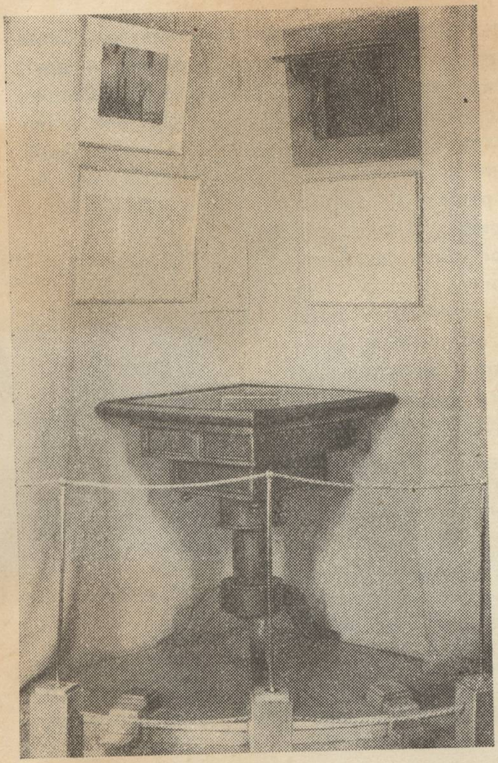
Когда полицейский пристав вёз Ленина после ареста, между ними произошёл такой разговор.

— Что вы бунтуете, молодой человек? — сказал пристав. — Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни, — и развалится, — ответил Владимир Ильич.

Так Ленин попал в свою первую ссылку. Прямо из шумной университетской аудитории он очутился в глухой деревушке, занесённой снегом, вдали от товарищей и профессоров, от лекций и библиотек. Студенческий сюртук с синим стоячим воротником пришлось сменить на штатский костюм.

Царское правительство хотело лишить Владимира Ильича возможности получить высшее образование. Оно понимало,

руководителем партии, он был её фактическим создателем...» Товарищ Сталин называет Ленина горным орлом, не знающим страха в борьбе и смело ведущим вперёд партию по неизведанным путям русского революционного движения.

Трудные это были пути. Множество опасностей приходилось преодолевать ленинцам-сталинцам для того, чтобы нести в массы трудового народа слова большевистской правды. В одном из уголков музея выставлен небольшой шахматный столик, а над ним простая полочка. Но это только на вид она простая. В полочке двойные стенки. За этими стенками хранились материалы «Искры».

И столик этот обыкновенен только с виду. В нём имеются хорошо скрытые от глаза потайные ящики. В этих ящиках долгое время были спрятаны дела Центрального Комитета большевистской партии.

Владимир Ильич сам сделал чертежи, по которым этот столик смастерили. Ленин был замечательным конспиратором: умел ловко обходить все жандармские хитросплетения. Не было таких трудностей, которых Владимир Ильич не мог бы преодолеть, раз того требовали интересы борьбы за свободу трудящихся.

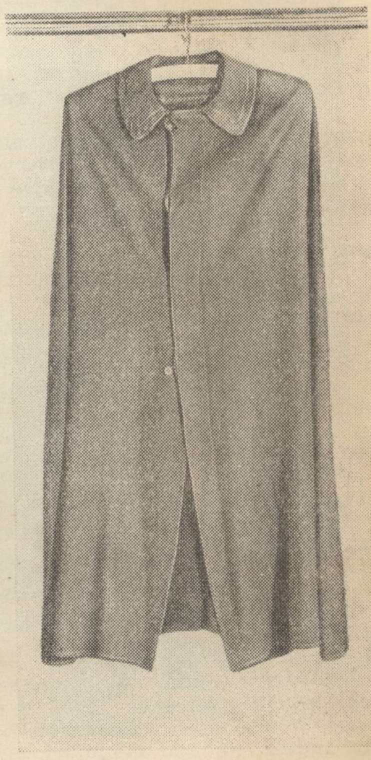
Из зажжённой Лениным «Искры» разгорелось пламя великого революционного пожара, которое дотла сожгло царское самодержавие и буржуазную власть. Многочисленные экспонаты музея рассказывают посетителям о 1917 годе, о днях Октября.

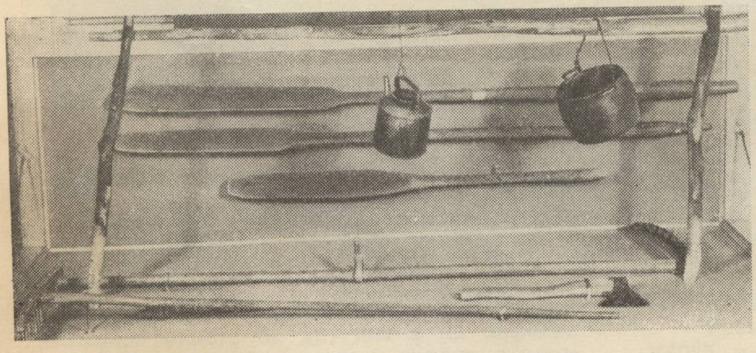
Мы видим вещи, которыми Владимир Ильич пользовался, когда в последний раз был вынужден уйти в подполье и жил в шалаше близ станции Разлив: вёсла, задымленные котелки, топор, которым Ильич рубил хворост для костра.

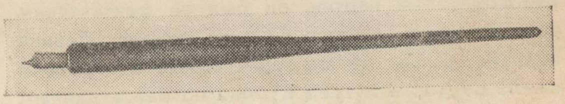
Пришло время поднимать восстание — и Владимир Ильич тайно приехал в Петроград. 10 октября состоялось историческое заседание ЦК партии, на котором было решено в ближайшие дни начать вооружённое восстание.

Когда поздно ночью заседание окончилось и члены Центрального Комитета стали расходиться, Феликс Эдмундович Дзержинский снял с себя плащ и накинул его на плечи Владимиру Ильичу.

В застеклённом шкафу висит этот плащ, свидетель горячей любви и преданности, которую питали к вождю партии его ученики и соратники.

Революция победила. Ленин стал во главе рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. Этой ручкой он подписал первые декреты советской власти — декреты, которые несли мир народам, утверждали равенство трудящихся всех наций, передавали фабрики и заводы в руки народа, отдавали землю крестьянам.

Гигантская работа легла на плечи Ленина, Сталина и их ближайших соратников. Ильич трудился дни и ночи. И всегда лежали перед ним эти часы. Он строго следил по ним, чтобы на заседаниях ораторы не превышали регламента, чтобы точно, во-время выполнялись все приказы и распоряжения. Он дорожил каждой минутой и учил этому других.

Перед вами кабинет Владимира Ильича в Кремле. В одном из залов музея с точностью восстановлена вся обстановка кабинета. Стол, скромное кресло, карты на стенах, шкафы с книгами. Сюда приходил к нему ближайший соратник и друг, любимый ученик — Иосиф Виссарионович Сталин. Тут обсуждали они положение на фронтах, а потом товарищ Сталин уезжал под Пермь, в Царицын или в Петроград — туда, где в данный момент решалась судьба революции. Возвратившись, он опять приходил к Ильичу, рассказывал ему о положении дел. Вместе обдумывали они чтó надо предпринять для того, чтобы закрепить победу, добить врага.

Когда закончилась гражданская война, в этом же кабинете разрабатывал Владимир Ильич первые наши хозяйственные планы. Тут рождались цифры плана ГОЭЛРО. И опять рядом с Ильичём был товарищ Сталин — достойный преемник и великий продолжатель ленинского дела.

ТОВАРИЩИ

Из повести М. Прилежаевой

Рис. Б. Винокурова

ВОЛЬТМЕТР СДЕЛАЮ Я

Этот день закончился нежданно для всех печальным происшествием.

Происшествие случилось на физике. Седьмой «Б» в полном порядке стоял у дверей кабинета, ожидая появления Надежды Дмитриевны.

Высокая статная учительница с белыми, как снег, волосами неизменно в синем, торжественном платье одним своим видом вызывала почтение. В физический кабинет ребята входили, присмирев и остерегаясь топать ногами. Иногда в кабинете задёргивались на окнах портьеры, Надежда Дмитриевна поднималась на кафедру, и, повинуясь приказанию её желтоватых, сухоньких рук, в темноте по проводам трансформатора Тесла, тихо потрескивая, бежали синие змейки, голубоватым сиянием поднимались вверх пучки искр, или под мерный гул катушки Румкорфа причудливо вспыхивали красным, оранжевым, фиолетовым светом волшебные палочки.

Щёлкнул выключатель, отброшены шторы — в руках учительницы обыкновенные стеклянные трубки.

Физика — чудо, нет интересней науки!

Саша Емельянов раз и навсегда отвоевал себе в кабинете первую парту: и слышно, и видно, и ничего не пропустишь.

Учительница раскрыла журнал:

— Гладков!

Костя вышел к доске. Надежда Дмитриевна вызывала одного за другим, а на кафедре стоял незнакомый изящный прибор с загадочной стрелкой. Наконец Надежда Дмитриевна закрыла журнал и объявила:

— Перед вами вольтметр!

Она объяснила устройство прибора.

Саша успел набросать в тетради чертёж.

— Выключаю, — сказала Надежда Дмитриевна.

Вдруг... Она споткнулась, чтоб удержать равновесие, ухватилась за кафедру и столкнула локтем вольтметр.

— Ой! — в один голос вскрикнул испуганный класс.

На полу валялись куски расколотой рамы, торчала погнутая стрелка.

— Что я наделала! — тихо сказала Надежда Дмитриевна, стоя над разбитым вольтметром.

С первых парт бросились подбирать обломки.

— Надежда Дмитриевна, ничего... Обойдёмся.

— Мы поймём из теории... — уверяли ребята, смущённые огорчением учительницы.

— Стара я, должно быть, стала, ребята, — вздохнула она. — Из рук падают вещи...

— У меня с детства из рук падают вещи,— мгновенно сфантазировал Юрка Резников.— Сегодня утром тарелку разбил. Как за что ни возьмусь, так сейчас разобью.

— Ну, мои милые физики, — невольно улыбнувшись его утешениям, сказала Надежда Дмитриевна, — придётся нам в следующий раз усвоить закон Ома теоретически. Ах, что же я наделала!

— Ребята, — тихонько объявил Борис Ключарёв, — собираться у керосиновой лавки.

— Саша, согласен? Возьмёшься? Успеешь?..

— На пустыре, у керосиновой лавки, — передавалось с парты на парту.

Позади школы тянулся пустырь. Здесь летом играли в футбол, зимой сражались в снежки, и здесь, за стеной керосиновой лавки, где декабрьские вьюги намели высокий сугроб, после уроков собрались семиклассники.

— Уж очень она разгоревалась, — вздыхал Володя Петровых. — Заметили? Жалость смотреть.

— Надо найти выход, ребята! — решил Ключарёв.

Юрка Резников спокойно сказал:

— Я нашёл выход.

— Где? Что? Какой?

— Сделать вольтметр.

— Что?! — Саша Емельянов в одно мгновение очутился с ним рядом. — Ты считаешь... Что? Сделать самим?

— Ха! Вполне реальная вещь. Принцип устройства известен?

— Известен, — подтвердил Саша.

Юрка выдержал паузу, скептически покачал головой:

— Не знаю уж, право, сумеешь ли ты... Я взялся бы сам, да у меня радиоприёмник стоит незаконченный, с деталями мучаюсь. Слушай, а может...

— Пожалуй... попробую, — запинаясь, вымолвил Саша: в нём боролись желание и страх.

— Ребята, ребята! — заволновался Володя Петровых. — Вот если бы... Входит Надежда Дмитриевна, а на кафедре новый прибор. Тут она... Вот если бы мы верно...

— Материалы достанем. Только бы сделать!

— Не сумеет!

— Емельянов? Сумеет!

— Вот ещё сконструировать бы звуковое кино!

Но Ключарёв смотрел трезво на вещи: ракетопланы, кино, телевизор — интересно, однако всё это в будущем; к субботе надо обеспечить вольтметр.

— Саша, согласен? Возмёшься? Успеешь?

От волнения и гордости у Саши перехватило дыхание. Он молча кивнул, весь залившись самолюбивым румянцем.

— Здорово! — развеселился Борис. — Ты сумеешь, не бойся. Помнишь, световая модель у тебя почти получилась. Главное — точность. Надо тщательно выверить. Ребята, Надежде Дмитриевне не говорить.

— А намекнуть можно? — спросил Петровых. — Чтоб не волновалась. Всего не открыть, а так... намекнуть?

— Нет! Нет! — закричали ребята. — Сюрприз!

КРУШЕНИЕ

Раннее утро. За окном темнело, никаких признаков рассвета. Саша проснулся, зажёг свет и сразу увидел на этажерке вольтметр. Два долгих вечера Саша трудился над ним. Как изящен, прочен, красив этот чудо-прибор! «Неужели я его делал? Даже не верится!» — думал с гордостью Саша. Вся школа узнает, учителя и ребята!

Он оделся и так усердно приглаживал свой непослушный зачёс и так тщательно мылся и чистился, как будто собирался в Большой театр на «Лебединое озеро».

Время тянулось бессовестно медленно, минутная стрелка едва доползла до четверти восьмого.

Зимнее, спросонок туманное утро чуть тронуло рассветом краешек неба где-то там, за домами. Вот яснее проступила в небе гряда; это дым из фабричной трубы, ветер несёт его на восток. Вот откуда-то выплыло облачко и вдруг вспыхнуло розовым светом. Саша вышел из дома.

Слегка вьюжило. Сухо шурша, вилась под ногами позёмка. Облачко быстро погасло, белесая, плотная туча поднималась с востока и всё шире и выше расползалась по небу.

Саша не дождался Костю и Юльку Гладковых. Он спешил.

— Ранний нынче какой! — сказала тётя Дуся, уборщица.

Мальчик юркнул мимо неё в раздевалку. Там он знал одно тайное место позади шкафчика, в котором хранились чернила, куски мела и другая школьная утварь, — вполне надёжный уголок. Саша сдвинул шкафчик и, раньше чем тётя Дуся вошла в раздевалку, спрятал в угол вольтметр.

Странно, когда школа пуста: гулкое эхо отвечает шагам, вдоль коридора закрыты белые двери, неясную тревогу будит в душе тишина. Но вот раздался топот ног, и с улицы вместе с клубами морозного пара ворвались говор, смех, суета. Зашумевшая школа стала привычной, понятной.

Саша торопил время. Физика—пятый урок. Как долго ждать!

В перемены ему не хотелось, как обычно, носиться с этажа на этаж или обсуждать с Юркой Резниковым возможность радиопередач на луну. На уроках Саша сидел с устремлённым в пространство, задумчивым взглядом.

Заглянув во время урока Саше в лицо, Костя Гладков шепнул:

— Над чем ты смеёшься? Сидит и улыбается во весь рот. Придаточные предложения — что тут весёлого?

Саша ответил тем рассеянным, снисходительным взглядом, в котором можно было прочесть и превосходство и жалость к товарищу за его заурядную долю. Но Костя ничего не прочёл и пожал удивлённо плечами:

— Глупый же вид у тебя!

Саша смолчал. Скоро они убедятся!

К началу пятого урока волнение его возросло до предела.

И тут семиклассники вспомнили.

— А вольтметр? — перепуганно закричал Юрка Резников. — Ты не сделал?

— Не сделал? Провалил, так и есть! Всё пропало! — наступали на Сашу товарищи.

И Володя Петровых, дожёвывая булку, вслух горевал:

— Жалко-то как! Надежда Дмитриевна рада была бы. Саша, отчего ты не сделал? Не удалось? Признавайся!

Выдержав паузу, Саша ответил:

— Вольтметр готов.

— Что? Тащи его живо! Показывай! Где?

— Идёмте, — пригласил торжественно Саша и под гул одобрения зашагал впереди толпы одноклассников, сначала чинно и медленно, потом быстрей и быстрей, наконец полетел что есть духу. За ним летел весь седьмой «Б». Так они ворвались в вестибюль.

— Стойте! Куда вы? Остановитесь, разбойники! — всполошилась тётя Дуся.

— Пожалуйста! Только меня. Сейчас... Там одна вещь, — молил Саша, он нагнулся, нырнул под рукой тёти Дуси и кинулся к шкафчику.

Вдруг вольтметр сломан? Пропал? Сердце Саши дрогнуло в тяжком предчувствии. Он сдвинул шкафчик, заглянул в тёмный угол — и... вольтметр здесь, невредим, цел!

Саша поднял его над головой. Несколько секунд класс созерцал молча.

Какой большой, какой счастливой наградой за труд было это благодарное молчание товарищей! В душе его поднялось что-то ответное. Саша любил ребят в этот миг и забыл о себе.

Но вот Петровых восхищённым полушопотом выдохнул:

— Как обрадуется Надежда Дмитриевна!.. Теперь давайте решать.

— Что решать? — спросил быстро Саша.

Он шагнул к окну вестибюля. Толпа шагнула за ним. Саша поставил на подоконник вольтметр и прикрыл его сверху ладонью.

— Что решать?!

— Что? — улыбнулся Володя. — Как мы будем дарить.

Володя Петровых был так толст, так добродушно пыхтел, так умилённо и кротко косил правым глазом, и все привыкли — он кому-нибудь что-то всегда отдаёт.

Сеня Гольштейн сказал, не задумываясь:

— Дарить будешь ты.

Володя послушно согласился:

— Я могу. Как хотите. Но ведь надо речь говорить?

— Не подходит! — категорически вмешался Костя Гладков. — Ты начнёшь речь и заикнёшься сейчас же. Ты и говорить не умеешь. И неуклюж ещё очень. Пожалуй, уронишь вольтметр. Надо выбрать другого.

— Кого?

— Сеню Гольштейна.

— Не подходит!

— Тогда Юрку Резникова.

— Юрку? Можно бы... Сострит что-нибудь неподходящее к случаю.

— Ребята! А Сашу?

— У Саши солидности мало.

Они предлагали одного за другим кандидатов для произнесения речи и одного за другим отвергали.

— Бориса! — выкрикнул кто-то.

— Бориса! Бориса!

Вопрос был решён. Борис Ключарёв — вот достойный представитель класса.

— Уж Борис сумеет сказать! — радовался Володя. — Ты, Борька, скажешь: «Седьмой

«Б» вам преподносит...» — и что-нибудь ещё поторжественнее. Ты умеешь экспромтом?

— Умеет! Умеет! — кричал в нетерпении Юрка.

— Ребята, кто понесёт? Саша, дай-ка я понесу.

— Подождите, ребята! — остановил Ключарёв. — Знаете, что? Давайте без речи.

— Почему?

— Давайте просто поставим вольтметр. Войдёт Надежда Дмитриевна... Она догадается, что подарил седьмой «Б». Кто же ещё? Ребята, сегодня старайтесь получше отвечать. Пыжов, выучил? Не подведи нас сегодня, Пыжов!

На бледных щеках Ключарёва проступила слабая краска; сдержанный, строгий, он стеснялся открыто выражать свою радость, как Юрка, Володя, как другие ребята; в его холодноватых глазах засветилось что-то мягкое и очень ребячье, очень хорошее.

— Как Надежде Дмитриевне будет приятно! — сказал он, густо краснея. — Идёмте! Кто-нибудь забирайте живо прибор!

Юрка Резников только и ждал, когда раздастся команда.

— Я понесу! — крикнул он.

— Не смей! Спросить надо сначала!

Саша загородил спиной свой вольтметр.

— Чего спрашивать? Ведь решили?..— проговорил Юрка, смущённый не столько окриком, сколько чужим, непонятным выражением сашиных глаз и лица. Он не узнал Сашу.

— Сделайте сами, тогда и решайте!

— Саша! — спросил в изумлении Костя.— Ты для себя разве делал вольтметр? Тебе стало жалко?

Борис Ключарёв молча кусал губы, его светлые, стального цвета глаза похолодели и сузились.

— Мне не жалко, — сказал Саша глухо.

И вдруг вынырнул хитрый носик Лёни Пыжова.

— Он хочет выхвалиться, — хихикнул Лёнька, на всякий случай прячась за спину Володи.— Он мечтает прославиться.

Губы Бориса тронула на секунду усмешка, на одну лишь секунду, но Саша, взбешённый, униженный, холодея от стыда и обиды, понимая, что рушилось всё, к чему он готовился, крикнул в лицо этому спокойному, строгому мальчику, который умел вести за собой целый класс:

— Привыкли командовать! Я сделал вольтметр. Хочу — дам, хочу — нет. А распоряжаться никому не позволю и подчиняться не буду. Вот захочу — возьму и сломаю.

Он замолчал, почувствовав себя очень усталым после вспышки безрассудного гнева и безвозвратно погибшим.

— Попросите, может быть, дам,— пробормотал он, подавленный враждебным молчанием класса.

— Делай, что хочешь, со своим вольтметром,— холодно ответил Борис.— Просить мы не будем.

— Кланяться?! — крикнул с возмущением Юрка.— После этого и дарить не захочется.

Он галопом помчался из вестибюля.

— Сделаем сами! Сделаем сами! — громко пел Юрка, стараясь заглушить в себе недавнее восхищение сашиным прибором.

Костя молча ушёл.

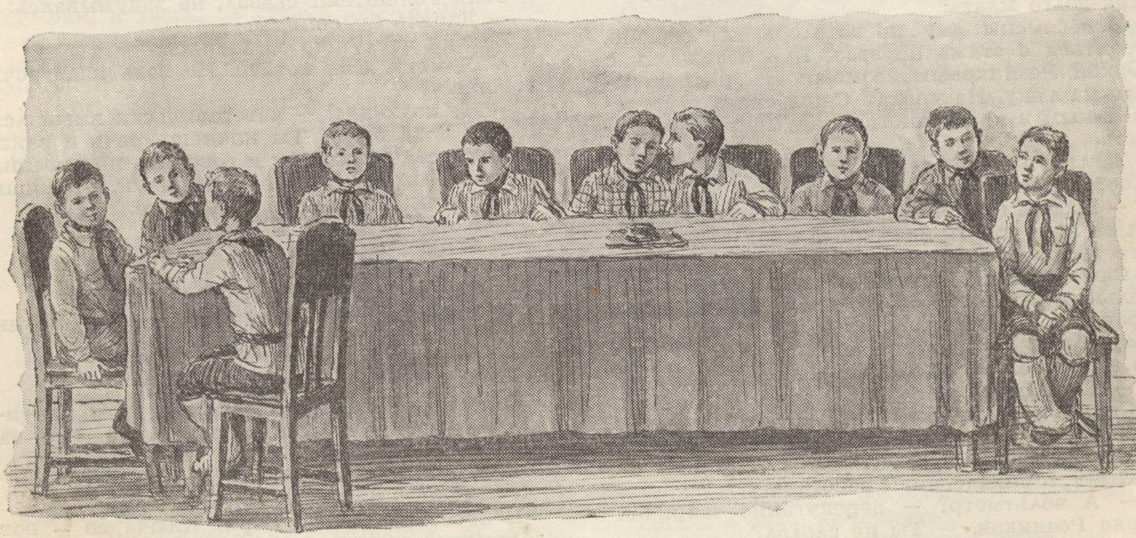
Заливался звонок.

Саша в ужасе видел, ребята расходятся. Никто не оглядывался. Они все отвернулись от вольтметра. Может быть, они старались показать, что не собираются кланяться? Или, может, после всего, что произошло, им и верно не хотелось дарить Надежде Дмитриевне этот прибор?

Саша остался один. Он отупело смотрел вслед ребятам. Он не понимал, что случилось. Так внезапно, так быстро, непоправимо над ним разразилась беда!

«Они вернутся. Неужели никто не вернётся? Неужели не позовут?» — проносилось в его голове.

Он стоял у окна в пустом вестибюле. На подоконнике красовался вольтметр. Устремив на него невидящий взгляд, мальчик настороженно вслушивался... Они не вернулись.

Пионеры двадцать первого отряда поджидали вожатого в безмятежном расположении духа.

Саша вырвался на школьное крыльцо. Ветер хлестнул его сухим снегом, словно плёткой, в глаза, и от ветра и снега из глаз брызнули слёзы. Саша бежал, сам не зная, куда, дальше от дома и школы. За ним, посвистывая, гналась метель.

ПЕРВЫЙ СБОР

До половины урока Костя был твёрдо уверен: Саша придёт. Он так часто оглядывался на дверь, что Надежда Дмитриевна наконец обратила внимание:

— Чем ты встревожен, Гладков?

Впрочем, не только Гладков — сегодня был неспокоен весь класс.

Да, до половины урока ребята надеялись, что Саша придёт. Должен придти! Он мог притащить свой вольтметр и сказать: «Надежда Дмитриевна, седьмой «Б» вам преподносит...». Неужели Емельянов в самом деле хотел, чтоб весь класс его умолял оказать эту милость?

Надежда Дмитриевна читала в ребячьих глазах беспокойство, волнение, страх, вызванные каким-то общим переживанием.

Ребята отвечали хуже обычного, равнодушно, рассеянно: мысли их где-то витали.

— Перейдём к новому,— сказала Надежда Дмитриевна, зорко присматриваясь к поведению класса.— Мне так и не удалось раздобыть, ребята, вольтметр. Итак, закон Ома...

Она была изумлена тем, что именно в этот момент настроение класса резко упало. Казалось, ребята в чём-то отчаялись, убедившись, что ждать бесполезно. Надежда Дмитриевна перехватила смущённый взгляд, каким обменялись Борис и Костя Гладков. Ребята слушали объяснения с виноватым усердием. Учительница закончила урок, недоумевая в душе.

Когда она уходила домой, тётя Дуся позвала её в раздевалку:

— Гляньте, Надежда Дмитриевна, на эту диковину. Емельянов оставил, а я убрала. Было здесь шуму!..

...Семиклассники двинулись из школы тесной гурьбой.

— Обидно! — горько вздохнул Петровых.— Наверное, Саша и сам пожалел.

— Теперь ты его пожалей, — угрюмо ответил Борис.

— Отделился от класса! Ему доверяли, а он отделился, — возмущались ребята.

— Что же, — идёмте, — сказал Ключарёв, повернувшись к ветру спиной и поискав глазами Гладкова.

Кости не было, он остался на сборе.

Семиклассники разошлись по домам.

А в пионерской комнате в полном составе собрался двадцать первый отряд.

А их вожатый стоял в это время за дверью.

Вадик Коняхин, Вова Горбатов, Шура Акимов — все мальчики чинно расселись вдоль стола, покрытого красным сукном. Мальчики преисполнены были сознания собственного достоинства и важности предстоящего события. Под воротничком у каждого алел пышный галстук, ноги, не доставая до пола, мерно раскачивались под столом. В общем юные пионеры двадцать первого отряда поджидали вожатого в безмятежном расположении духа. А их бедный вожатый стоял в это время за дверью, сражённый приступом непреодолимой застенчивости. Надо было войти и с весёлым лицом, непринуждённо и бодро сказать: «Здравствуйте, ребята!» Только всего. Но у Кости сердце металось в груди, как выброшенная на берег рыба. Он был подавлен своей собственной робостью. Это грозило катастрофой. Первый сбор мог не состояться.

Вдруг с противоположного конца коридора донёсся звонкий, весёлый смех. Костя, как спасению, обрадовался знакомому смеху: Таня Измайлова! Старшая вожатая шла с секретарём комсомольской организации Колей Богатовым, громко о чём-то рассуждая.

— Костя, ты? Ты не начал ещё?

Привычно переплетая быстрыми пальцами кончик пушистой косы, повисшей с плеча, Таня с удивлением смотрела на Костю.

— Костя, уж не боишься ли ты? — догадалась она.

И этот вопрос был тем толчком, который привёл Костю в чувство. Правда, ему не удалось улыбнуться, но сердце поутихло в груди. Он взял себя в руки:

— Сейчас я иду.

— Таня, давай послушаем сбор,— решил внезапно Богатов.— Ты не будешь стесняться, Гладков?

Нет, Костя стеснялся тех малышей, которые его ожидали за дверью, только их! То, что рядом оказались спокойные, почти взрослые люди, прибавило ему бодрости. Кроме того войти втроём куда легче, чем в одиночку.

И сбор начался.

— А что мы будем делать? — тоненьким голоском шепнул Вадик Коняхин.

— Вы пионеры теперь, — сказал Костя, ужасаясь деревянности тона, каким произнёс эти слова, не зная, куда деть свои длинные, нескладные руки, ища глазами точку опоры. Он нашёл её наконец в виде массивной чернильницы посредине стола и устремил на неё пристальный взор.

Но всё же из той пламенной речи, какую он сочинил вместе с Юлькой и Сашей, сейчас только и вспомнились слова:

— Вы пионеры. Вы должны любить нашу замечательную Родину.

— А мы любим! — ответил Шура Акимов, большеголовый крепыш с невозмутимо ясными, светлыми глазами.

Костя на секунду умолк, соображая, как от вступления, которое получилось столь лаконичным, перекинуть мостик к тому, что он готовился делать. За эту секунду молчания в настроении пионеров произошёл перелом. Они слишком долго и торжественно ждали. Они утомились немного от этой торжественности. Им вдруг захотелось поговорить о са-

мых обыкновенных делах. Вадик привстал и с доверчивой улыбкой признался:

— А мы нашли галку с перебитым крылом.

— Не галку — ворону! — живо поправил Вова Горбатов.— Галки на зиму улетают.

— Костя! Мы спрятали ворону на чердаке.

— Костя, ты думаешь, крыло заживёт?

— Такая хорошая ворона!

Костя растерянно слушал: ворона не входила в повестку собрания, она вторглась стихийно, перепутав все планы. Ища поддержки, он взглянул на Таню и Колю Богатова. У них весёлые лица. Должно быть, не такой большой грех, что ребята немного отклонились от плана?

— Как ты думаешь, Костя, ворону можно приручить?

— Если будете хорошенько ухаживать, непременно приручите,— ответил солидно вожатый.

— Тогда я возьму ворону себе, пусть живёт у меня в коридоре,— заявил Шура Акимов, невинно глядя на Костю и беспечно болтая ногами в серых валеных сапогах.

— Хитрый! Пусть будет общая,— запротестовали ребята. — Будем вместе ухаживать.

Шура раздумывал:

— Нет! Общая мне не нужна. Какой интерес? Я возьму да другую найду. Будет моей.

Вдруг всем стало неловко, а Костя и не заметил, как исчезло то, что его связывало. Он не думал сейчас об авторитете вожатого, он просто рассердился на этого большеголового мальчика, который оказался таким страшным собственником. И что-то обидно напомнило Сашу.

— Так, — сказал он, не ища больше помощи в танином взгляде, зная твёрдо, что и зачем хочет сделать.— Предлагаю, ребята, устроим на пустыре ледяную гору. Огромную! Согласны?

— Согласны! — закричали ребята.

— Хорошо. Ты, Шура Акимов, не осилишь большую, ты для себя сделай маленькую.

Серые сапожки под столом перестали болтаться. Шура был озадачен. Озадачен был весь отряд.

— Почему? — удивились ребята.— Почему Акимова не принимать в общую гору?

— Потому что Акимов на своей собственной горке будет кататься со своей вороной один.

Ребята расхохотались, представив такую странную картину.

Смеялась Таня Измайлова. Смеялся Богатов.

Шура Акимов не знал, куда спастись от смеха. С одной ноги у него упал валенок. Воспользовавшись случаем, Шура спустился под стол и долго там обувался. Наконец он выбрался из-под стола и, ни на кого не глядя, сказал:

— Тогда я не буду заводить отдельную ворону, а буду вместе.

Все были удовлетворены таким решением вопроса.

А Костя, вдруг освободившись совсем от застенчивости, произнёс экспромтом речь:

— У нас, на нашей Родине, люди всё делают вместе: работают, учатся, строят. Если кто-нибудь отделится, — этот человек всегда очень несчастен. Ему скучно, тяжело, и один он ни за что не добьётся победы.

Снова вспомнился Саша. Хмуря брови, Костя сказал:

— Я заметил: если человек отделится, получается вред.

Однако пора было переходить к делу. Неожиданно Костя легко нашёл мостик:

— У нас все люди вместе. В других странах не так. И сейчас вы увидите.

Не дав ребятам опомниться, он выключил лампочку, наощупь открыл шкаф — всё было подготовлено, всё под рукой. В изумительной тишине, от которой по спине побежали, словно электрические искры, мурашки волнения, Костя перетащил на стол эпидиоскоп. Щёлк — включён ток, и вот на стене, в четырёхугольнике света, возник океан.

В темноте, не видя глаз, любопытство которых смущало его, слыша только ровное дыхание ребят, Костя осмелел, оживился и вспомнил всё, что они сочинили с Юлькой и Сашей.

— Соединённые Штаты Америки. Южный штат Алабама...

И вот... Со стены на пионеров двадцать первого отряда смотрит круглая физиономия чёрного мальчишки.

Костя менял в эпидиоскопе одну за другой картинки, над которыми так усердно и с таким увлечением они с Юлькой и Сашей трудились, готовясь к сбору.

Теперь, на сборе, костины пионеры узнали чёрного мальчика Сэма. Он был их ровесником, но жил в чужой, непонятной стране. Отец Сэма вернулся с войны. Отец Сэма был героем, он хотел любить свою родину. А его повесили за то, что он чёрный. И Сэм остался один.

...Эпидиоскоп бросил на экран последний пучок света и погас.

Кто-то зажёг лампочку. Ребята окружили вожатого.

— К нам бы этого Сэма! Верно, Костя?

— Его можно принять в пионеры?

— Костя! У нас бы Сэму родиться! Ему хорошо было бы у нас. Костя, да?

— Да, да! Да! — отвечал Костя.

Он был счастлив и очень устал.

Надо было что-нибудь сказать в заключение, чтоб подвести итоги сбора, как учила старшая пионервожатая, но Костя не мог. Он виновато посмотрел на Таню.

Таня стремительно поднялась. Лицо её было серьёзно, решимостью блестели глаза. Она перекинула за плечо косу и запела: «Союз нерушимый республик свободных...».

Высокий, сильный голос звучно вёл мелодию; мелодия нарастала, ширилась; звоном стеклянных колокольчиков вплетались тонкие, детские голоса, им глуховато аккомпанировал несмелый колин басок. И что-то большое, значительное объединило сейчас и связало всех: десятиклассника Колю Богатова, Таню, и Костю, и малышей, — это было молчаливое, строгое счастливое чувство любви к той стране, которая им всем приходилась Родиной.

(Продолжение следует.)

Человек в лесу

А. Оленич-Гнененко

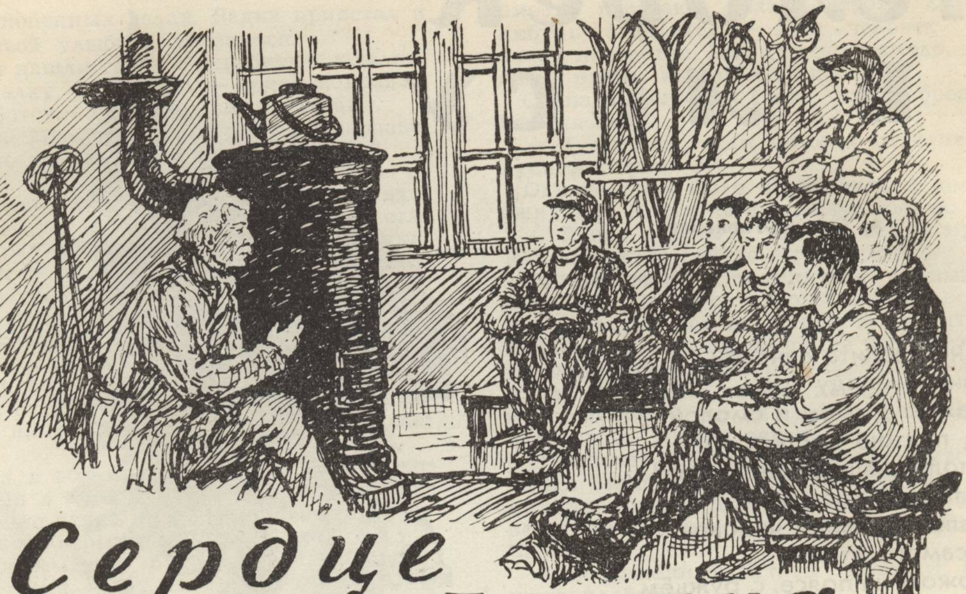
Ночной залита синевой
Долина между гор,
И пахнет дымом и смолой
Под пихтою костёр.
Расположившись на ночлег
У пламени костра,
Усталый дремлет человек
До самого утра.
С ножом на поясе, с ружьём,
И лыжи узкие при нём.

Он спит и слышит вдруг сквозь сон
В сугробах хруст и скрип,
И чей-то вздох, и чей-то стон,
И приглушённый хрип.
Глядит: в горах ни ночь, ни день,
Ещё не рассвело,
И у костра стоит олень
И дышит тяжело.
Он лишь сейчас прервал свой бег,
За ним взметённый вьётся снег.

И волчьи тени на снегу,
Глаза их, как огни.
Оленя волки стерегут,
Его убьют они.
Но человек схватил ружьё
И поднял навесу,
И скрылось жадное зверьё
В тумане и в лесу.
Сверкнуло солнце из-за гор,
И догорел, шипя, костёр.

Олень рогами чуть качнул,
И строен и высок,
И через палую сосну
Его унёс прыжок.
А человек промолвил так:
— Живи, брат, хорошо!
И вскинул за плечи рюкзак
И снова в путь пошёл.
Для серн и туров соль кладёт,
Идёт всё выше и вперёд.

Сердце спортсмена

Рис. В. Цельмера

Рассказ Леонида Шнейдера

Наша лыжная команда готовилась к соревнованиям. Мы сидели полукругом возле печки на лыжной базе у старика Ивана Алексеевича и, как обычно, в ожидании начала тренировки, негромко беседовали о том, о сём.

Разговор зашёл об одном нашем товарище, который заявил, что не будет участвовать в соревнованиях, если ему не дадут новых лыж.

— Он не лыжник, — отозвался Иван Алексеевич, не принимавший до сих пор участия в разговоре.

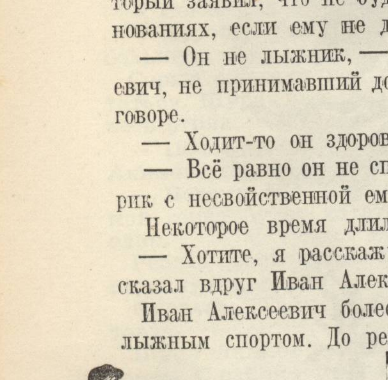
— Ходит-то он здорово! — возразил я.

— Всё равно он не спортсмен! — отрубил старик с несвойственной ему резкостью.

Некоторое время длилось молчание.

— Хотите, я расскажу вам одну историю? — сказал вдруг Иван Алексеевич.

Иван Алексеевич более сорока лет занимался лыжным спортом. До революции он жил в Финляндии и был не только свидетелем, но и участником многих событий, вошедших в историю лыжного спорта. Если к этому прибавить, что он был прекрасным рассказчиком, станет понятен тот интерес, с которым мы, молодые лыжники, слушали его рассказы.

— Это было давно, — начал Иван Алексеевич. — Я батрачил тогда недалеко от Гельсингфорса у одного финна, по фамилии Сузи. Работать приходилось с рассвета и дотемна, но я не бросал тренировку и бегал на лыжах ночью при луне.

И вот узнаю однажды, что в воскресенье в соседнем селе состоится лыжная гонка. Отпрашиваюсь у хозяина, а сам боюсь: вдруг не отпустит? Но он усмехнулся и говорит:

— Что ж, поезжай, Ярви тебе покажет, как нужно ходить на лыжах.

Ярви — это хозяйский сын. Он считался лучшим лыжником в округе. Поблагодарил я хозяина, а сам думаю: на чём же я пойду? Лыжи у меня самодельные, трудно на таких с Ярви тягаться.

Неподалёку жил мельник. Мы с его сыном Таппи вместе учились в школе. У него были замечательные лыжи: лёгкие и гибкие, как лук. Слои дерева настолько прямые, что казалось, это натянутые под стеклом тончайшие струны, тронешь их — и запоёт лыжа.

Пришёл я к Таппи и говорю: так и так, дай лыжи на соревнование.

— Ты хороший лыжник, — сказал он. — Я помню, как в школьных гонках ты всегда был первым, и я дам тебе на день лыжи, а ты заплати мне двадцать пять пенни.

Откуда у меня могли быть такие деньги? Ведь я работал за одни харчи.

— Кто выиграет гонку, тот получит приз... —

продолжал сын мельника, как бы разгадав мои мысли.

— Хорошо... Деньги я принесу тебе завтра вечером вместе с лыжами.

Сын мельника знал, что я никогда не вру. Он дал мне лыжи.

На другой день я пришёл на озеро, где проводились соревнования. На старте я нарочно стал рядом с Ярви Сузи. Но он даже не удостоил меня взглядом.

Сейчас вас пускают со старта через 15—20 секунд, и вы можете идти, не мешая друг другу. А тогда давали старт всем сразу, и каждый старался захватить лыжню, чтобы никому не уступить её до конца гонки.

Мы стояли на старте, выстроившись в одну линию.

Прозвучала команда... Всё смешалось в облаке снежной пыли. Хлопали лыжи, хрустели палки, неслись проклятья лыжников, сбитых с ног.

Только теперь Сузи заметил меня, потому что мы бежали рядом, впереди всех. С каждым шагом носки моих лыж выдвигались всё больше и больше вперёд. Я приготовился к последнему броску, чтобы занять лыжню... Вдруг какая-то сила швырнула меня в сторону. Падая, я видел, как Сузи промчался мимо. Это он ударом плеча опрокинул меня в снег. Я тотчас же вскочил и бросился за ним, но было уже поздно: он стал на лыжню.

Сузи был здоровый парень: он отталкивался палками, почти не делая шагов. Тогда ещё не знали «переменного хода» и «перекидки», да они и не нужны были, так как лыжня прокладывалась по поверхности рек и шхер и лыжи легко скользили по накатанным колеям, не встречая препятствий. Но не думайте, что нам было легче ходить, чем вам, хотя вы и лазите сейчас по таким кручам, которые нам тогда и не снились. Ведь смысл каждого соревнования заключается в том, чтобы показать наивысший результат. Не так ли? И мы отдавали все свои силы.

Я не отставал от Сузи. У меня были сильные руки. Ведь несмотря на мои шестнадцать лет, мне с утра до вечера приходилось колоть дрова, чистить навоз в хлевах и таскать пятипудовые мешки, от которых темнело в глазах.

Я не щадил своих сил и боялся только одного: чтобы с порывистым дыханием из моей груди не вырвался стон и Сузи не догадался, как я устал.

На расстоянии пяти километров от старта, где в снег был воткнут шест, нас ждала большая толпа. Нужно было обогнуть шест и повернуть обратно. К повороту мы подошли вместе. Я шёл, как во сне. Сузи, наверно, тоже очень устал, потому что, подойдя к шесту на предельной скорости, он не смог сделать крутого поворота, и его вынесло по широкой дуге. Тогда, собрав все силы, я юркнул между ним и шестом и занял лыжню.

Только сейчас, идя обратно, я увидел насколько мы опередили всех. Я шёл с невероятным напряжением. Как мне было тяжело! Но я не дал Сузи обойти себя. Финишируя, я упал лицом в снег. Изо рта и из носа у меня пошла кровь. Но я был счастлив: я победил!

Вечером я отнёс Танни лыжи и двадцать пять пенни — это был приз, назначенный победителю гонки.

Когда я возвратился домой, на крыльце меня встретил хозяин.

— Иди, куда хочешь,— сказал он.— Ты нам больше не нужен, ты стал зазнаваться.

Я сразу понял: это за то, что я на глазах у всей округи обогнал его сына. Но я не пожалел об этом, потому что я всем сердцем любил спорт.

наша ПОЧТА

О чём говорили на классном собрании

Вера и Таня — неразлучные подруги. Мы все немного завидуем Тане, потому что Вера — староста класса, отличница, весёлая и хорошая девочка. Дружить с ней всем хочется. Таня — тихая, молчаливая, и поэтому все были очень удивлены, когда на классном собрании Таня попросила слова.

Собрание было неприятным. Наш класс за первую четверть оказался на последнем месте по успеваемости. Девочки сидели пристыженные и молчали. Правда, Вера от имени класса обещала, что мы исправимся. Но она не сказала, что̀ для этого нужно сделать. Все чувствовали себя очень неловко. И вдруг заговорила Таня:

— По-моему, отстаём мы потому, что нетребовательны к себе. Мы часто покрываем нехорошие поступки друг у друга. И прежде всего это относится к Вере.

Девочки насторожились. Кто-то возмущённо процедил:

— А ещё подруга!

Таня смутилась, покраснела, но продолжала говорить:

— Помните, мы договорились не списывать, не подсказывать, не убегать с уроков. А на деле что? Сегодня все видели, как Женя не могла решить задачу по физике, и, когда Нина Васильевна отвернулась, Лена бросила ей шпаргалку. Или вчера: Люся сбежала с последнего урока, а Вера сказала, что она заболела. Мне кажется, девочки, так поступать нехорошо,— закончила Таня.

«Ну, до свиданья, не забудь:
Реши пример, проверь ответы,
Да сочини о чём-нибудь
Заметку в классную газету».
(Добро, коль дома старший брат,
Жаль, в школу брать их не велят!)

С последней парты нерешительно подняла руку Мила.

— Раз уж заговорили откровенно, то и я скажу, — начала она. — Катя получила двойки по алгебре и литературе. Почему, вы думаете? Да потому, что Катя почти никогда не делает сама уроков. Она пробует решить задачу — задача не решается. Тогда Катя просит брата-студента. Вот он и решает, а Катя, даже не разобравшись, переписывает. Конечно, у доски она не может ничего ответить. Катя часто говорит мне: «Брось ты мучиться, спиши у меня и пойдём гулять». Но я считаю, что уроки надо готовить самостоятельно, тогда и двоек меньше будет!

Последней выступила Женя.

— Некоторые девочки во время контрольных

часто просят, чтоб им дали списать, — сказала она. — А если не дашь, девочки обижаются. По-моему, от списывания мало толку. И вообще в учёбе нужно надеяться только на себя.

В этот раз мы действительно решили исправиться, чтобы занять одно из первых мест. Мы долго ещё говорили о своих делах и после собрания, когда шли уже домой. Нехорошо только, что Вера обиделась на Таню. Я считаю, что Вера неправа: дружба должна быть честной.

Галя Крушенина,

ученица 7-го класса
Москва.

Как перепуганные галки,
По классу носятся
шпаргалки...
Итог такой работы бойкой
Обычно отмечают двойкой.

От редакции:

Письмо Гали Крушениной мы дали почитать ученицам 7-го класса «Б» 205-й московской школы. Оказалось, что и они часто спорят о том, как нужно готовить уроки. В своих письмах они рассказывают об этом. А ученик 204-й школы Алик Пилевский ответил на галино письмо карикатурами на школьные темы.

Учительница литературы Вера Сергеевна Новосёлова рассказывает, как училась Зоя Космодемьянская.

Напишите и вы нам, ребята, как вы учитесь.

Шура снова учится хорошо

В прошлом году, когда мы учились в шестом классе, к нам в середине года поступила новая девочка — Шура Глаголева. Она приехала из деревни. Шура сильно отстала, и педсовет решил перевести её в пятый класс. И вот тогда наш класс отстоял Шуру. Мы упросили всех учителей оставить её у нас и пообещали заниматься с Шурой. Класс наш сильный, девочки дружные, и в течение года мы по очереди помогали Шуре. Она хорошо сдала весенние экзамены и перешла в седьмой класс.

С начала этого года мы уже не помогали Шуре, потому что она вполне могла заниматься самостоятельно. И вдруг Шура снова начала получать двойки.

Мы заметили, что она почти не делает дома уроков, в классе читает посторонние книги и то у одной, то у другой хорошей ученицы просит списать домашние задания.

Много раз мы говорили Шуре, что она никогда не будет хорошо учиться, если привыкнет списывать. Но Шура относилась к этому несерьёзно. Она всегда со смехом отвечала: «Ну и пусть!» И вот мы решили подействовать на Шуру по-другому. Не стали ей больше говорить о списывании, а устроили специальный сбор звена. Пусть, думаем, услышит, что о ней скажут все девочки. Шура и на сборе сначала всё принимала несерьёзно. А потом поняла и заплакала. Оказывается, Шура привыкла заниматься с кем-нибудь из девочек и браться за уроки одна не захотела.

Я рассказала об этом потому, что и в классе Гали Крушениной, наверно, тоже есть такие девочки, которые привыкли к постоянной помощи. Таким девочкам надо объяснять, что это не всегда полезно. И не обязательно всегда уговаривать, а нужно делать и так, как сделали мы. Шура сейчас учится хорошо, у неё уже много четвёрок. На неё повлиял коллектив.

Зоя Кулешова

Почему я не люблю подсказок

Очень хорошо сказала Женя, что в учёбе нужно надеяться только на себя. У девочек нашего класса тоже есть одна очень плохая привычка: как идёт кто-нибудь к доске, так обязательно шепчет: «Подсказывайте!» Так уж привыкли. А ведь пользы от этого никакой. Всё равно не ответишь как следует, если не знаешь урока.

Иногда девочка, отвечая урок, просто забудет что-нибудь и на минутку замолчит. Так в это время обязательно кто-нибудь подскажет и, конечно, помешает сосредоточиться. Учитель думает, что девочка не знает, и снижает ей оценку. А бывает и наоборот: учитель не заметит подсказки и поставит хорошую отметку. Очень неловко тогда чувствуешь себя за незаслуженную оценку.

Я не люблю подсказок, особенно после того, как сама убедилась, что они приносят только вред.

— Ирина? Здравствуй! Как дела?..
Тебе-то что: ты домоседка,
А я опять в кино была...
Конечно... Выручай, соседка!
Так... понимаю, а ответ?
Плюс, минус два?
Ну, всё! Привет!

Один раз я отвечала урок по физике. Всё ответила хорошо, а вспомнить закон Джоуля-Ленца сразу не могла: забыла. Я вспомнила бы и сама, как вдруг услышала, что мне подсказывают. Эта подсказка спутала мои мысли, и мне пришлось сказать, что я не помню. Обидно, что девочки помешали мне самой подумать: ведь урок-то я знала!

Мне хочется всем ребятам сказать: не учитесь по подсказкам!

Светлана Михайловская

Как я готовлю уроки

И у нас есть девочки, которые приходят в класс с неприготовленными уроками. Как-то на уроке географии Галя З. ничего не могла ответить. Оказывается, она считала, что в этот день её не спросят, и потому не занималась дома. Так она всегда делала: не готовила уроки, если её накануне спрашивали.

Учиться только для отметок, а не для того, чтобы получить знания, совсем не интересно. Я по себе знаю, что если дома не позанимаешься как следует, то не всё понимаешь из объяснения учителя на уроке. И трудно делать уроки дома, когда плохо слушаешь учителя в классе.

Раньше и у меня бывало так: не выходит задача с первого раза, бегу скорее к кому-нибудь за помощью. А потом становилось досадно. Оказывается, если бы я не торопилась и подумала как следует, то всё бы сделала сама. И всегда я после с досадой думаю: «Зачем я прошу помощи, когда сама могу сделать?»

Я согласна с Милой, что лучше внимательнее заниматься, чем у кого-нибудь списывать и после жалеть, что поленилась сделать то, что самой под силу.

В этом году я занимаюсь самостоятельно и всегда начинаю готовить уроки с трудных предметов.

Зина Киселёва

О самом главном

В первой четверти я не умела распределять своё время и объясняла это тем, что учусь во второй смене.

Папа убедил меня, что это не так. Он сказал, что у каждого человека есть дела главные и второстепенные. От того, как человек делает свои главные дела, часто зависит вся его жизнь. Если всё делать в своё время, то успеешь сделать за целую жизнь много полезного.

Папа посоветовал мне составить режим дня, чтобы я успевала справляться с главным своим делом — хорошо готовить уроки.

Режим дня я составила и, когда стала всё делать по расписанию, поняла, почему мне раньше нехватало времени. Оказывается, в первую очередь я делала не главное, а второстепенное. Например, вместо того чтобы делать уроки, шла в кино или читала интересную книгу. Время проходило, а уроки оставались несделанными.

Сейчас не только я — многие девочки нашего класса занимаются по режиму. Советую это сделать и девочкам из класса Гали Крушениной.

Рита Кадалина

Сойдётся — ухожу в кино!
Нет — сяду и решу задачу...
Ну: раз, два, три...
Эх! неудача.
Не вышло! Значит, решено:
Иду в кино! Уж всё равно...

КАК УЧИЛАСЬ ЗОЯ

Недавно я присутствовала при одном споре: посмотрев пьесу Алигер «Сказка о правде», школьники поспорили о том, как сложился характер Зои. Одни утверждали, будто Зоя Космодемьянская из числа тех необыкновенных людей, которые «уж такими родятся», другие говорили, что такую силу характера надо выработать. Слушая спорящих, я отчётливо представила себе тоненькую девушку с горящими глазами — такой я помню Зою,— её суровую взыскательность к себе, её упорство и правдолюбие, не признающие никаких скидок. И я подумала, что ребятам, которые считают силу воли и твёрдость характера «дарами природы», полезно было бы узнать, как училась Зоя.

Зоя была моей ученицей с 1938 по 1941 год, в седьмом, восьмом и девятом «А» классах. Это был очень активный класс, памятный всем учителям 201-й школы и особенно мне, преподавателю литературы, — предмета, которым там особенно интересовались.

Выделиться на фоне этого класса было непросто, но Зоя и не стремилась выделяться. У неё не было тщеславного желания «блеснуть» во что бы то ни стало, поскорее обнаружить свои способности, находчивость, остроумие. И всё-таки она привлекала внимание. Как сейчас, помню её тоненькую фигурку в скромной вязаной кофточке. Она сидит на обычном своём месте — третьей парте в центре — и внимательно слушает жаркий литературный спор. Она ещё не продумала свою мысль до конца и потому сдерживается. Я знала, что сдержанность эта требовала усилий: темперамент у Зои был кипучий. Он проявлялся, когда она начинала говорить, в тоне, в жесте, но не в словах. Слова всегда были продуманны и вески.

Она замечательно сидела на уроках. Глядя на неё, я неизменно испытывала наслаждение, хорошо знакомое преподавателю, которого слушают с неподдельным вниманием. Ведь мы, учителя, безошибочно чувствуем, когда школьник действительно заинтересован уроком и когда он присутствует в классе только, так сказать, физически, а сам в это время витает мыслями неизвестно где. У Зои таких «отлётов» не случалось, хотя она была девочкой с живым воображением. Она не позволила бы себе такой рассеянности: рассеянность на уроке означала бы недобросовестное, несерьёзное отношение к делу, а недобросовестности и поверхностности Зоя не прощала ни себе, ни другим.

Пионеры 201-й школы, где когда-то училась Зоя Космодемьянская, высоко чтут её память. Каждый год, в декабре, в дни героического подвига Зои, пионеры несут почётный караул.

Понять урок как можно глубже, вложить в задание все свои силы — вот к чему стремилась Зоя. Сочинения её были глубоки и своеобразны по замыслу, стиль их — лёгок и изящен. Сочинение «Илья Муромец — защитник земли русской», написанное ещё в 1938 году, было признано лучшим в классе. Очень хорош был её доклад о Кутузове, она привлекла к нему

обширные литературные материалы. У меня сохранилось несколько зоиных сочинений. Они даже внешне красивы: написаны чётким, аккуратным почерком, чисты и притом в высшей степени грамотны. Вот цифра: в тридцати длинных работах Зоя сделала всего три незначительных ошибки. И эти ошибки никогда больше не повторялись. Зоя внимательно относилась к поправкам в письме и в устной речи. Впрочем, мне редко приходилось поправлять её: говорила Зоя правильно, красочно, образно, тонко чувствуя красоту слова.

Чем объясняются все эти качества? Врождённым даром, блестящими способностями? Конечно, способности играют здесь известную роль, к литературе и истории у Зои были определённые склонности. Но с той же тщательностью и добросовестностью она относилась и к другим, «нелюбимым» ею предметам. Преподаватель математики Николай Васильевич Васильев рассказывает: однажды Зоя неудачно ответила на какой-то вопрос, причём он не придал этому особого значения. Через несколько дней Зоя попросила спросить её по тому же разделу и ответила так блестяще, что ей могли бы позавидовать лучшие математики класса. Это было исправлением ошибки, а не исправлением отметки. Хорошая отметка, если она не казалась заслуженной, не радовала Зою. Однажды она не согласилась с преподавательницей химии, поставившей ей пять. По мнению Зои, эта оценка была чересчур высока.

Она ни в чём не давала себе поблажки. Помню, как, придя в школу после продолжительной болезни, она тревожно советовалась со мной, как ей наверстать упущенное. За время её отсутствия мы прошли Тургенева и Островского. Зое, конечно, были знакомы их произведения, и она могла бы очень быстро «догнать класс», прочитав всё пройденное по учебнику. Но такой лёгкий выход был глубоко противен всему душевному складу Зои. Она никогда не «готовила литературу» по учебнику, не стала этого делать и сейчас. Не побоявшись большой работы, она с головой погрузилась в книги.

Книги — вот ключ зоиных успехов в литературе, причина того, что она хорошо излагала свои мысли и красиво говорила. Книга была её постоянным спутником и учителем. Читала Зоя очень много: Пушкина и Льва Толстого, Чехова и Горького, Вальтер Скотта и Флобера, Маяковского и Николая Островского. Список книг по внеклассному чтению был для неё короток, мне постоянно приходилось удлинять его для неё. И из всего книжного богатства, из самых разных произведений она умела извлекать своё, близкое её душе, созвучное её мыслям.

Её тетрадки пестрят выписками, доказывающими, с каким пристальным вниманием она относилась к книге. Здесь и наиболее яркие места, характеризующие художественный образ, и размышления писателей о людях и жизни.

Интересные в этом смысле воспоминания о Зое остались у преподавательницы географии — Марии Тарасовны Чертковой. Поздней осенью 1941 года, совсем незадолго до последних, героических событий в жизни Зои, группа школьников и учителей провела некоторое время под Москвой, помогая одному из колхозов. Работать приходилось в тяжёлых условиях: шли проливные холодные дожди, над головами проносились немецкие самолёты. Вечерами школьники, волнуясь, подводили итоги. Зоя волновалась едва ли не больше всех: по её предложению все трудодни, заработанные ею и её товарищами, поступали в фонд обороны.

И вот в поздний час, когда все работы бывали окончены, Зоя, несмотря на усталость от трудного дня, при тусклом свете каганца погружалась в чтение. Подруги засыпали, Зоя читала. Не знаю, что́ именно читала она тогда, но не сомневаюсь, что, как обычно, она относилась к чтению со всей серьёзностью, глубоко вникая в содержание книги.

Какой-то человек мечтал прожить «одну жизнь — начерно, а другую — набело». Зоя жила набело. Так же набело, в полную силу она училась, считая ученье важнейшим делом жизни. И я уверена, что эта неустанная работа, это стремление сделать каждое дело как можно лучше закалили её волю и укрепили то высокое чувство долга, которое помогло ей совершить её великий подвиг.

В. Новосёлова,
заслуженная учительница РСФСР

★

ПОБЕДИТЕЛИ НА СТАРТЕ

Нина Розенкноп

Рис. Я. Титова

Это были замечательные мальчики. Они хорошо учились и лучше всех ходили на лыжах.

И сейчас тот, кто придёт в 374-ю школу, увидит над дверью физкультурного зала алый бархатный вымпел. Он говорит о том, что 374-я школа — чемпион по лыжам. Но ребят, которые его завоевали, уже здесь не встретишь. В этой школе только семь классов, и, закончив седьмой, мальчики перешли в другую школу, а вымпел остался, и попрежнему все московские школы считают лыжников 374-й школы своими самыми грозными соперниками.

Время покажет: сохранится ли спортивная слава лыжников этой школы, найдутся ли ребята, способные защитить её, или на этот раз победа достанется другой школе. Но, подумайте, как обидно выйти на лыжню и видеть, как тебя обгоняют и обходят, как мелькают спины уходящих вперёд, обидно отдать то, что уже завоёвано, потерпеть поражение, зная, что в твоей школе были люди, которые умели рвать финишную ленточку!

И, наверно, они тоже придут на соревнования, Хамид Большаков и Боря Белоусиков, — прошлогодние победители.

Но не будем предугадывать событий.

Трудно сейчас назвать будущего победителя. О том, кто победит, мы узнаем, когда лучшие лыжники встанут рядом. Тогда судья возьмёт в руки секундомер, и всё, что было до этой минуты: летние, зимние, осенние месяцы, снежные километры и речная гладь, турник и утренняя зарядка, всё, чему ребята научились в физкультурном зале, в лесах и на полянах,— всё подсчитает точная стрелка, и судья присудит победу лучшим из лучших.

Кому, сейчас сказать трудно, но зато каждый может сказать, кому он желает победы, кто заслужил успех.

Я хочу, чтобы сквозь редкий кустарник у финиша первыми проскочили маленький коренастый мальчик, другой повыше его, худощавый, и третий, с силой налегающий на палки.

А почему я стою за них, сейчас расскажу.

Младший брат

Не случайно 374-я школа вышла победительницей в прошлогодних соревнованиях: она находится в Сокольниках, и все школьники живут здесь. А это—прекрасное место для лыжников. Там есть и горы, и прекрасные аллеи, и широкие снежные равнины. Выйдешь из дома — и сразу попадёшь в заснеженный лес. Даже урок физкультуры часто бывает не в зале, а прямо на горе. И так же, как книжки и тетради, ребята берут с собой в школу лыжи. Зимой в лес выходит вся пионерская дружина, даже третьеклассники. Ребята играют в «зверей и охотников», или ищут зарытую в снег «мину», или отправляются в далёкий поход с привалом в избушке лесника.

Серёже Большакову было шесть лет, когда он впервые взобрался на Оленью гору, самую высокую гору в Сокольниках. И с тех пор Серёжа стал лыжником.

Можно сколько угодно спорить, и всё же несомненно: лыжи — это дело для храбрых. Не верю я, что трус может прыгнуть с трамплина,—он обойдёт гору по ровной дорожке; не верю, что, зажмурив глаза, он промчится по горе, заросшей деревьями и кустарником.

Не знаю, как было у Серёжи: лыжи ли выучили его смелости или, наоборот, он увлёкся лыжами, потому что они пришлись по его характеру, но, конечно, Серёжа хорошо и смело ходит на лыжах.

В школе хранится снимок. На снимке виден мальчик, летящий в воздухе, а под ним вершины мохнатых сосен. Это Серёжа прыгает с трамплина. Правда, ведь для такого полёта нужна храбрость?

Но настоящая смелость—это умение. У Серёжи есть старший брат, Хамид. Это Хамид научил Се-

рёжу легко скользить и управлять лыжами, работать палками, тормозить, взбираться на гору. Он брал его с собой на тренировки и внимательно следил за тем, как идёт младший брат. Он первый заметил недостаток Серёжи — медленный и напряжённый подъём в гору.

Поднимаясь рядом с ним, он учил:

— Быстрее, быстрее, не задерживайся. У тебя не такие сильные руки, чтобы ты мог выжиматься на руках. Взбегай на гору.

И Серёжа научился брать гору с разгона, быстротой, а не силой (надо сказать, что Серёжа самый маленький в классе: у него рост всего 144 сантиметра).

Лыжная команда школы изменилась. В этом году не Хамид, а Серёжа Большаков выйдет на дистанцию. Но, конечно, и Хамид будет волноваться. Да и как ему не волноваться: по лыжне пойдёт его младший братишка, его собственный ученик, член родной школьной команды.

Тайна Бори Смирнова

У каждого человека есть свой секрет успеха. Есть такая тайна и у Бори Смирнова. Он всю жизнь прожил в Монголии и никогда не ходил на лыжах. И вдруг в течение двух зимних месяцев он стал одним из лучших лыжников 374-й школы. А в этой школе не так просто стать лучшим: там есть Серёжа Большаков, который с шести лет ходит на лыжах, там Станислав Шейн проходит 5 километров за 21,03 минуты.

Когда Боря встал первый раз на лыжи, он сразу упал. Маленькая девочка засмеялась:

— Держись, дяденька, за землю!

А бойкий второклассник сердито закричал, чтобы Боря забрал с дороги свои палки.

Боря сказал:

— Подожди минутку, я что-то не пойму, что тут делать. Ну-ка, покажи...

Сердитый малыш остановился и начал показывать своё искусство.

Но настоящим учителем Бори стал Серёжа Большаков. Сколько трамплинов он построил в лесу, чтобы Боря учился прыгать, сколько раз он шёл с Борей скучной, гладкой дорогой вместо того, чтобы мчаться с горы! Он вёл себя так же, как его старший брат Хамид, и так же радовался, что в школе будет ещё один хороший лыжник.

А Боря оказался необычайно упорным учеником. Когда Боря стал в первый раз спускаться с Оленьей горы, он сразу же налетел на ямку.

— Правее возьми, — сказал Серёжа, когда Боря вылез из снега.

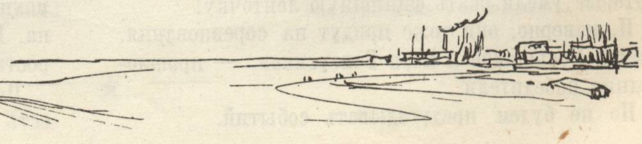
Но Боря, взобравшись на гору, снова направил лыжи именно на эту злополучную яму и... снова упал.

И Серёжа понял, что Боря нарочно направляет лыжи по этому пути. Шесть раз подряд Боря наезжал на эту яму, и только в седьмой раз он благополучно достиг подножья Оленьей горы.

В первых соревнованиях, в которых участвовал Боря, он пришёл последним. Но наступил день, когда Боря пришёл первым. Он промчался по равнине, отлично скатился с горы (сколько там ямок встретилось ему!), перепрыгнул через кусты и обогнал всех.

Настойчивость, упорство — вот ключик, которым открывается тайна Бори Смирнова.

К этому надо добавить ещё одно: Боря — отличный бегун; может быть, это тоже помогло ему. Известно, тот, кто силён в одном виде спорта, легко постигает и другой.

О настоящих чемпионах

Стасик Шейн — сильный и выносливый мальчик. Даже в прошлом году, когда он ещё учился в шестом классе, семиклассники брали его с собой в разведку и в походы. Но с недавних пор Стасик стал задумываться. «Ну, предположим, время у меня хорошее и пройти я могу далеко, — так примерно рассуждал он. — Но отчего Серёжа Большаков, не такой сильный и совсем не высокий, не отстаёт от меня на лыжне? Почему он устаёт меньше, чем я?»

Стасик стал наблюдать за собой и за Серёжей. И он нашёл ответ: у Серёжи лучше техника, а он, Стасик, берёт силой, не скользит, а бежит.

О том, как Стасик стал потом тренироваться, я думаю, рассказывать не стоит. Важно то, что он сам нашёл свой недостаток и сейчас ходит гораздо лучше.

В 374-й школе был такой случай с одним чемпионом по гимнастике, Юрой К. Он занимался в спортивной школе и, так же как и Стасик Шейн, получил грамоту за спортивные успехи. Но Стасик после этого стал ещё внимательнее приглядываться к себе, а Юра решил, что теперь он всё превзошёл. Один раз ребята позвали его участвовать в пирамиде на школьном вечере, но он отказался наотрез. Ему, чемпиону по гимнастике, участвовать в общей пирамиде?! Да кто его там заметит?

Его не стали упрашивать. Обошлись без него.

Товарищи Юры К., с которыми он не хотел выступать, многому научились в школьном спортивном зале. И когда на городских соревнованиях по гимнастике Юра занял второе место, Эдик Абрамов, тот самый, который лазил на самый верх пирамиды, уже почти догнал его, занял третье место. А Юра Кузьмичёв, хоть он на два класса младше, стал отличным акробатом. Он ещё не научился работать на брусьях так, как Юра К., но, наверное, научится.

Стасика Шейна пионеры выбрали председателем совета пионерской дружины. И, конечно, не потому, что он хорошо ходит на лыжах. Выбрали они Стасика за то, что он думает не только о себе и той пятёрке, которая пойдёт на соревнования, а заботится обо всех ребятах, о том, чтобы всю школу поставить на лыжи, чтобы в школе была не одна, а пять команд, чтобы всех третьеклассников сделать хорошими лыжниками, хотя ни в какие соревнования их не примут.

Посмотрите, какие интересные дела происходят в пионерской дружине: увлекательные игры в лесу, лыжные походы, а на каникулах — соревнования всех лыжников школы. Так и должны поступать чемпионы. Вот, наверно, потому, что Стасик — бодрый и инициативный человек, пионеры и выбрали его председателем дружины.

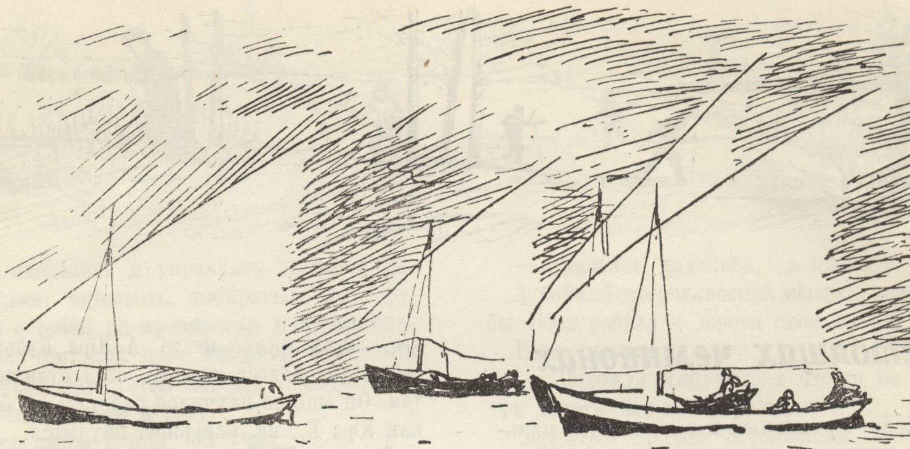
* * *

Я рассказала вам о трёх членах новой лыжной команды 374-й школы. Вы увидите их на старте вместе с другими лыжниками. Теперь, я думаю, вы поняли, почему я стою за эту команду. Потому, что в ней собрались мальчики, которые умеют учиться, дружить и твёрдо добиваться победы. Я хочу, чтобы победили смелость, дружба и упорство.

Но может случиться так, что у финиша этих мальчиков обгонит другая команда. Я уверена, что у них хватит мужества достойно принять поражение. Они снова выйдут на Оленью гору, снова будут учиться лыжному мастерству.

Такие ребята, как Серёжа, Боря и Стасик, не падают духом.

Бабушкино море

Повесть С. Георгиевской

Рис. Н. Цейтлина

«Ужотко»

Вот она, бабушка, папина мама, стоит на платформе и смотрит из-под руки прямо на площадку вагона, который ещё постукивает и покачивается с разбега. На бабушке чёрная шерстяная юбка, белая широкая кофта и платочек. Она совсем не похожа на кавалера ордена Ленина, хотя на кофте у неё и в самом деле орден Ленина.

Папа говорил про бабушку «кавалер», а она, оказывается, просто старушка. Или, вернее сказать, старуха, потому что старушки бывают поменьше ростом и потолще, вроде маминой мамы, бабушки Капитолины, а эта бабушка высокая и костистая. Лицо у неё худое, строгое, как будто недоброе, а глаза прозрачные, как бутылочное стекло.

— Здравствуй, Зинаида! — говорит бабушка лялиной маме, которую видит первый раз в жизни. И они целуются.

Ляля стоит сбоку и смотрит на бабушку.

— Это Ольга? — наконец говорит бабушка и глядит на Лялю своими бутылочными глазами. — Подойди-ка поближе, внука, дай на тебя посмотреть!

Бабушка смотрит на Лялю. Смотрит на её клетчатую яркокрасную пелеринку, на красную острую шапочку с кисточкой и покачивает головой. Что-то вздрагивает у неё в самых уголках губ, словно она хочет засмеяться. Но бабушка не смеётся, а гладит Лялю по голове своей жёсткой большой рукой, и с Ляли слетает шапочка.

Шапочку поднимает какой-то старичок с серьгой в ухе и кнутовищем в руке. От старичка сильно пахнет одеколоном.

— Ишь, надушился! Знакомься, Митрич! — говорит бабушка старичку, когда он подаёт Ляле шапочку. — Внучка Ольга, меньшого дочка!

Старичок знакомится: перекладывает кнутовище из правой руки в левую, низко наклоняется к Ляле и смеется. От смеха дрожит и блестит в его ухе большая серьга.

— Наш конюх колхозный! — говорит бабушка. — Подавай, Митрич!

Конюх смотрит на Лялю, и губы у конюха аккуратно складываются трубочкой, будто бы для того, чтобы засвистеть...

— Иванок! — говорит он шопотом и смотрит на Лялю. — Ой, копия...

— А?!. Да!.. — говорит бабушка, тоже смотрит на Лялю и вдруг отворачивается.

Старичок почему-то испуган. Он быстро уходит и подаёт к платформе чёрную узкую бричку на высоких колёсах. Такую Ляля видела в цирке. Только в цирке бричка была побольше.

— Погоняй,— сурово говорит бабушка, когда все размещаются в бричке.

— Но-о-о-о!.. — кричит старичок.

А лошади нисколько не боятся его крика. Они мелко перебирают ногами, бегут трусцой, и бричка подскакивает на колеях и выбоинах пыльной дороги.

Бабушка, мама и Ляля едут мимо маленьких белых домов, обсаженных деревьями. За плетнями, средь зелёных деревьев, прямо на улице, стоят белые печки. Из печей идёт дым.

Улица в этом городе очень длинная. Горячий ветер легонько шевелит пыль на дороге. По тротуару неторопливо и без звонков, разомлев от жары и редко-редко нажимая на педали ногами, едут босые велосипедисты. На улицу выбегают хозяйки и смотрят на бричку и бабушку. Хозяйки стоят и глядят им вслед, а бабушка ни на кого не смотрит. Она сидит прямая, неподвижная, высоко подняв голову.

Бричка доезжает до края улицы и поворачивает. Внизу, под обрывом, видно что-то широкое, огромное. Это — море. Оно до того большое, что когда Ляля глядит в ту сторону, у неё сжимается сердце и хочется протянуть к нему руки. От моря дует тёплый большой ветер — такой большой, что всё вокруг, куда ни погляди, так и ходит, так и колышется. Колышутся листья, колышутся ставни на окнах, колышутся чёрные сети рыбаков, развешанные вдоль берега на острых брусочках.

Увидев бабушку, рыбаки снимают шапки. Бабушка поджимает губы и кивает им из своей брички.

— Степановна! — кричит бабушке какой-то усатый человек, выходя из большого деревянного дома. — Ну, что, привезла своих?!.

Бричка останавливается.

— Председатель колхоза! — говорит бабушка маме про усатого человека.

Мама быстро снимает перчатку, наклоняет набок голову и пожимает руку человеку с усами.

— Внучка Ольга! — говорит бабушка усатому и смотрит на Лялю.

— Поздоровайся, Ляля,— говорит мама.

— Эх-ма! — кричит председатель густым голосом и выхватывает Лялю из брички.

Прямо перед собой Ляля видит два больших чёрных глаза. Они выглядывают, словно из лесу, из-под густых, кустистых бровей. Ляле щекочет лицо седой лохматый ус.

— Да неужто коськина дочка! — восхищается председатель. — А я твоего папаню вот эдакого, поменьше тебя, знавал... Хорош был паренёк... В люди, конечно, большие вышел, а я пареньком знавал. Ну, ну... — вздыхает он, увидев, что Ляля не улыбается.— Ну, ну...— и быстро ставит её на землю.

— А тощенькая она у вас отчего-то? — говорит председатель бабушке.

— Хворала,— вежливо отвечает мама.— Скарлатина была, с осложнением на оба уха.

Председатель вздыхает.

— Ничего, раздобреет! — решительно отрезает бабушка и выходит из брички.

Все идут в дом.

Хороший дом у бабушки. Не то чтобы большой, но больше всех соседних домов. Стены у него белые, как сахар, и он весь обсажен деревьями. Посреди двора стоит будка, а в будке живёт пёс. Пёс тихонько, но сердито ворчит.

— Молчать, Туз! — на ходу говорит бабушка.

Туз замолкает, а Ляля садится на корточки, вытягивает руку и говорит:

— Тузик, пузик!..

— Известно, дитё, — вздыхает отчего-то председатель.

Мама, бабушка, Ляля и председатель заходят в комнату. В комнате бабушкиного дома перед окошком с марлевой занавеской стоит стол, накрытый вышитой скатертью. У стола сидит старушка. Вот она-то уж не старуха, а настоящая старушка! Низенькая, толстенькая, с мягкими седыми волосами и мягкими ласковыми руками.

— Сватья, — объясняет бабушка.

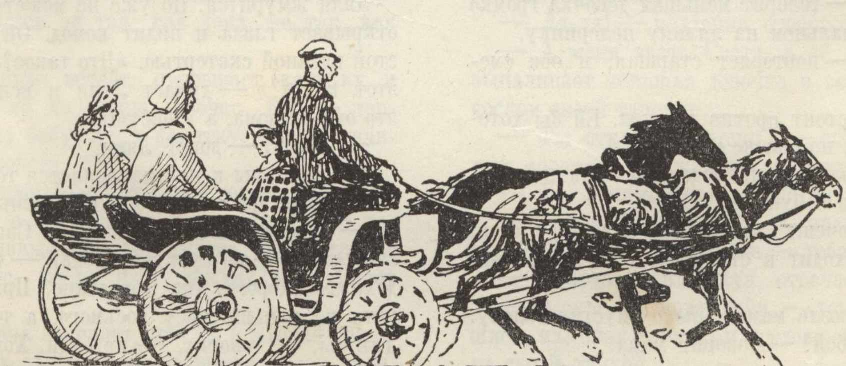
Сватья поднимается, смотрит на всех голубыми добрыми глазками и часто-часто мигает.

На широком столе кипит самовар. По скатерти расставлены кувшины и кувшинчики, и много-много всего в кувшинах, и кувшинчиках, и на больших тарелках.

— Садитесь,— говорит бабушка и почему-то низко кланяется лялиной маме.— Закусывай, Зинаида.

Мама краснеет и тоже почему-то низко кланяется бабушке. Потом она застенчиво снимает шляпку и садится к столу.

Лялю усаживают между мамой и тётей Сватьей. Ей накладывают полную тарелку всякой еды — ватрушек, пампушек и коржиков. Ляля потихоньку

ест и слушает, о чём говорят большие. Говорят про неинтересное, и Ляля начинает помахивать ногой и постукивать каблуком о ножку стула.

— Перетомилась? — вдруг говорит бабушка.— Ступай на волю, там разгуляешься.

— Ватрушечку, деточка, захвати...—вся сияя, говорит Ляле тётя Сватья.

Ляля берёт ватрушку и бежит в сад.

Посреди сада кружочком растут кусты. Можно спрятаться среди этих кустов. Можно долго сидеть, притаившись между ветвей, а все в доме будут её искать и думать, что Ляля пропала.

Всё вокруг жужжит, звенит и стрекочет. Тонко и звонко поёт свою песню муха над лялиной шапочкой. Ходит петух у сарая бабушкиного дома. Он откидывает назад широкую, яркорыжую шею, вздрагивает, застывает на месте и громко орёт.

Ляля медленно отворяет калитку и выходит на улицу. Серой, широкой дорогой спускается к морю пыльная улица.

Тишина. Изредка слышны у моря пронзительные и острые в неподвижном воздухе выкрики...

— А-а! — говорят внизу.

— У-у! — отвечает кто-то сверху.

И опять тишина. Медленно вьётся шмель над лялиной шапочкой, поёт свою летнюю песенку.

И вдруг Ляля видит, что напротив бабушкиного дома, за плетнём, сидят какие-то двое на корточках.

Увидев Лялю, те, кто сидят на корточках, выходят на улицу. Это девочки. Ляля смотрит на девочек. Девочки смотрят на Лялю.

Молчат.

И вдруг одна девочка, та, что поменьше, манит Лялю рукой и делает ей непонятный знак указательным пальцем.

— Что? — спрашивает Ляля и бежит им навстречу.

— Ишь, расфрантилась,— говорит одна девочка шопотом и толкает другую.

— А шапка-то, шапка, а на носу-то кисточка, словно у индюка,— тоже шопотом отвечает другая.

— Что? — удивившись, говорит Ляля.

— Индюк! — говорит меньшая девочка громко и показывает пальцем на лялину пелеринку.

— Индюк! — повторяет старшая, и обе смеются.

Ляля молча стоит против девочек. Ей бы хотелось заплакать, но она не может.

Опустив голову, очень медленно Ляля идёт домой — к маме и бабушке.

— Ляля, хочешь малины? — говорит мама, когда Ляля подходит к столу. — Я выдерну хвостики из ягод.

Ляля стоит возле мамы, низко опустив голову.

— Что с тобой? — говорит мама.

Ляля не отвечает.

— Нет, что случилось всё-таки? — отставив тарелку, спрашивает мама.

Ляля видит, что мама встревожена.

— Индюк! — говорит Ляля и тихонько всхлипывает.

— Что такое? — не понимает мама.

— Индюком обозвали... — говорит Ляля ещё тише и опускает голову совсем низко.

— Ну полно, девочка, полно,— шопотом говорит мама и берёт Лялю за руку.— Не хочешь же ты в самом деле, чтобы я пошла на улицу драться с ребятами за тебя.

— Конечно, может, по-городскому одета, не видывали... — виновато вздыхает председатель.

— Что?! — говорит бабушка, словно проснувшись.— Индюком обозвали? Кто? Кто сказал «индюк»? Укажи! Да что же это такое? Как так? — и вся покрывается красными пятнами.

Ляля молчит.

Тогда бабушка шумно отодвигает стул и берёт её за руку. Большими шагами она выходит во двор. За ней, подпрыгивая и всхлипывая, семенит Ляля.

Бабушка широко распахивает калитку.

— Кто сказал «индюк»? — говорит она и отпускает лялину руку.

За плетнём тишина. Только над лопухами мелькают две белокурые головы, но сейчас же прячутся.

— Ужотко!!! — говорит бабушка и широким шагом возвращается в дом.

«Ты таскала меня за волосы»

Открыв глаза, Ляля смотрит на потолок.

На потолке большое пятно. Мелкая рябь гармошкой бежит по низкому потолку. В окошко влетает ветер. Он шевелит накрахмаленную занавеску... Гомонком, непривычным шелестом бьётся в окошко улица.

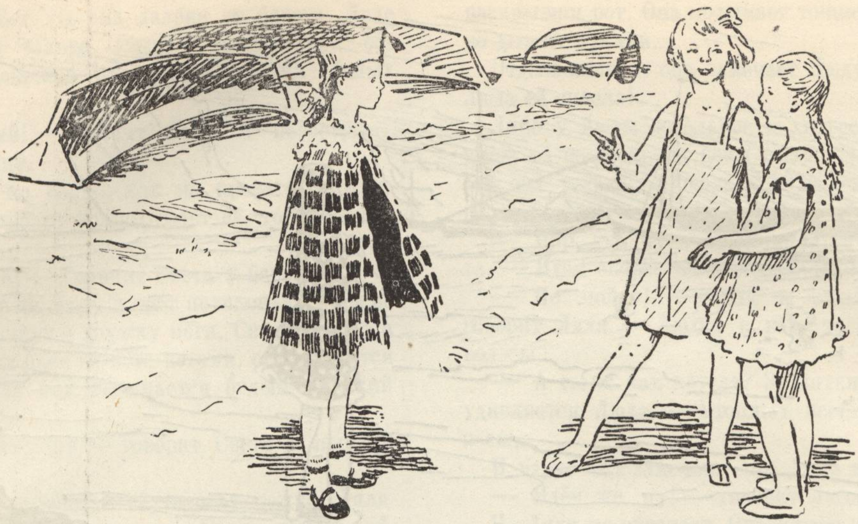
Кругом так тихо... и вдруг не своим, а каким-то удивительным, тонким голосом заорал под окошком петух.

Ляля жмурится. Но уже не может заснуть. Она открывает глаза и видит комод. Он накрыт толстой вязаной скатертью. «Что такое? Откуда здесь этот комод?» — думает Ляля и вспоминает, что это она не дома, а у бабушки.

— Мама! — зовёт Ляля.

Вместо мамы к ней наклоняется тётя Сватья — Анюта. Она часто, часто мигает ясными глазками.

— А мамочка спит,— говорит Сватья.— Бабка сказывала — не будить. «Нехай,— говорит,— отдохнут с дороги. Оне городские. Привыкли вставать не раньше часу восьмого, а то и девятого. Так ты, — говорит, — не буди. Ходи, Анюта, на цыпочках...» И вот я с шестого часу, детка, на

цыпочках. Только, если ты, значит, сама по себе пробудилась, так и ладно, вставай, одевайся. Я сметанкой напою. Бабка велела! Наша сметанка— что твоё масло. Такая у нас сметанка, что у вас в городу такой и не слыхано... Ну, вставай, вставай!..

Ляля садится на кровати и, осторожно свесившись, заглядывает в тёмную дверную щелку соседней комнаты.

В той комнате ставни ещё плотно закрыты. Сквозь узкую трещину, между окном и ставней, тянется плоский лучик. Бабушки нет. Но в нежно-серой тени белеет на одеяле мамина маленькая рука со знакомым колечком... Из тёмной комнаты пахнет тёплым и душным.

Зато как светло у Ляли в комнате с растворенным окошком! Даже пол здесь тёплый и яркий.

Ляля одевается и выходит в сад.

Утро. В саду ни души. В яркосинем небе стоит горячее солнце. Оно подымается всё выше, высоко, высоко... Оно палит сверху землю и траву. В будке под тёплым солнышком дремлет пёс. От нечего делать Ляля садится на траву. Она сидит, широко раскрывши рот, слегка скособочась, крепко сжав худые немытые руки. «Чем здесь пахнет? Наверно, ветром. Здесь не так, как дома, не так, как на даче...»

Ляля тихонько встаёт, открывает калитку и смотрит, нет ли на улице девочек. Крепко держась рукой за бабушкину калитку, она останавливается на дороге.

С обеих сторон белой от пыли дороги всё те же белые домики с печками во дворах. На белых домиках камышовые крыши. «Разве такие крыши не промокают, когда идёт дождик?» — думает Ляля.

...И вдруг она замечает, что на пригорке лежат три лодки. Их зачем-то перевернули вверх дном. Днища лодок залиты смолой, смола густая, а днища широкие. Рядом с лодкой лежит комочек сетей...

Ляля видит, что на верёвке у противоположного дома сушится скатерть. Вдруг эта скатерть падает на траву, и видно, что скатерть вся в клеточку. Нет, это не скатерть, а тоже сетка, и какая большая, длинная... Ляля никогда не видела такой длинной сетки. Чтобы лучше разглядеть её, Ляля отпускает калитку и делает шаг вперёд. В это время из соседнего дома выбегают девочки. Те самые, что вчера сказали «индюк».

Ляля видит теперь, что одна из девочек, та, что побольше, коротко острижена. Личико у неё остренькое, волосы золотисто-красноватые, как будто она лисичка.

Та, что поменьше, катится следом за большой на толстых коротких ногах в коричневых тапочках.

Увидев Лялю, меньшая девочка останавливается и открывает рот.

Ляля смотрит на девочек, девочки смотрят на Лялю. Молчат.

— А как тебя звать? — ни с того, ни с сего говорит меньшая.

— Ля-ля! — медленно отвечает Ляля.

— А меня звать Света, а её звать Люда! — выпаливает меньшая девочка и ковыряет в пыли носком своей тапочки.

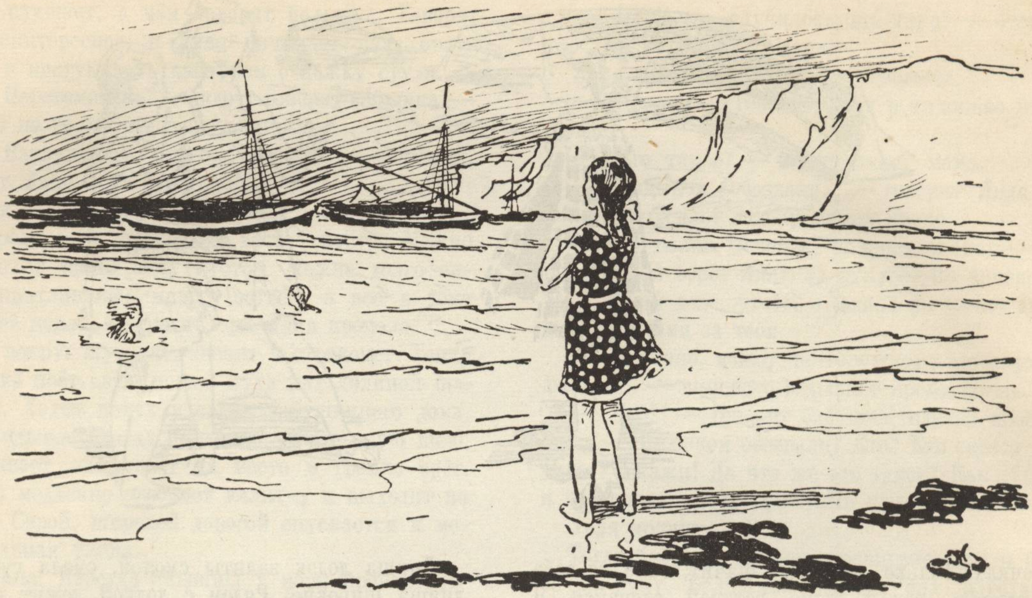
— Ты откудова будешь? — спрашивает старшая девочка, похожая на лисичку.

— Из Ленинграда,— шопотом отвечает Ляля.

— С-под Ленинграда?.. А правда, что бригадирша Варвара Степановна — тебе бабка?

— Правда, — вздохнув, отвечает Ляля.

— А мы на море идём, — говорит, задумавшись, младшая девочка и продолжает копать в пыли своей тапкой.

— Я с вами — можно? — решившись, вдруг говорит Ляля.

И Ляля идёт с девочками. Она семенит своими блестящими туфельками по пыльной дороге. С каждым шагом из-под ног у неё вздымается узкое пыльное облачко.

И вот они подходят к обрыву. Обрыв глинистый, без ступенек. Сверху виден кусочек берега и моря.

— Я первая! — говорит Люда.

И вдруг она берётся руками за выступ скалы, наступает на камень и сразу прыгает вниз.

— Ну, теперь кто? Чтой ли, ты? — говорит Света.

— Чтой ли, я, — отвечает Ляля.

Она храбро подходит к скале, посапывает и вцепляется пальцами в колкий бурьян. Бурьян обжигает лялины руки. Из-под её лакированных туфелек сыплется глина.

— Уф ты! — кричит снизу Люда.— Слезать не умеет!

Ляля вся замирает: она вцепилась руками в крепкие, сухие стебли.

— Эй ты, отпущай! — кричит Люда.

— Отпущаю! — кричит Ляля.

— Да руки пущай! Руки! — кричит Света.

Ляля медленно разжимает руки и от страха закрывает глаза. Она падает. Нет, она тихо скользит.

Часто, мелко и дробно крошится глина под лялиными подмётками: ползучая дорога сама несёт её.

— Ну ладно, всё! Приехала! — говорит Света.

И Ляля открывает глаза. Она стоит на берегу.

Впереди, перед нею, море. Оно всё зыблется и блестит так, что на него больно смотреть. Оно всё золотое... А там далеко, на колеблющейся воде, белеют мелкие точки. Их много-много.

— Что это? — спрашивает Ляля.

— Как — что? Ясно, байда! — отвечает басом Люда.

Ляля никогда и не слыхала, что такое «байда». Она хочет опять спросить, но взглядывает на Люду и почему-то не решается. В это время откуда-то из-за мыска выходит лодка. Лодка идёт, накренившись набок, и парус над ней так сильно натянут, как будто сейчас порвётся... Лодка быстро уходит в море. Там её парус тоже становится белой точкой. Ах, так вот оно что такое «байда»!..

— Рыбалят, — говорит Света, снимает тапки и входит в воду. Она входит в воду и подымает юбочку.

— Тепло? — спрашивает Люда.

Но, видно, Свете не очень тепло, потому что вместо того, чтобы сказать «тепло», она ёжится и отвечает: «Приятно».

Девочки раздеваются, а Ляля стоит и смотрит на девочек.

— Чего ж ты стоишь? — говорит Люда. — Купайся. Одёжу не унесут.

Тогда, поглядев на них, Ляля тоже снимает платье. Потом разувается. Но в воду она не идёт, а стоит на тёплом песке. В её голую пятку впивается ракушка.

— Будто зыбь? — говорит Люда и входит в воду. Там она садится на корточки, кричит: — У-уф!—потом плоско и тесно соединяет ладошки

Руки её ножом врезаются в волну, потом ладошки разъединяются и разгребают воду. Люда принимается бить пятками, и брызги столбом взле-

тают вверх. Вот уж она далеко от берега. Ляле видна теперь только людина голова, вся облепленная мокрыми волосами, да куча белых брызг.

— До-го-няй! — кричит Люда и перевёртывается на спину.

Она лежит на волне, как на кровати, лежит, а не тонет. Море то приподымает её, то тихонько опускает вниз.

— Люд-ка-а! — кричит Света у бережка.

Она смотрит на Люду и трёт потихоньку ногу об ногу. Потерев друг о дружку ноги, Света падает в воду. Упав, она бьёт по воде ногами, оглядывается и плюётся. Над ней подымается белый высокий столб.

— До-свиданьица! — говорит Света и ныряет в воду.

Над водой подымается её толстая ножка. Ляля смотрит, раскрывши рот, как Света кивает ей ногой.

«Счастливые, им хорошо. Отчего им так хорошо? А мне страшно. Я не хочу, чтоб мне было страшно!» — думает Ляля.

Ляля входит в воду по щиколотку. От холода дыханье у неё на минутку обрывается. И вдруг, неизвестно почему, ей становится весело-весело! Она сразмаху плюхается в воду, машет руками, как Люда. Потом подпрыгивает, как Света, и тут у неё из-под ног исчезает дно.

Где дно?! Дна нет.

— А-а!! — кричит Ляля. — Нет дна! Ой, нет дна! Утону!

И тонет.

Вот уже её голова под водой, а руки торчат высоко над водой. Лялины пальцы сами сжимаются и разжимаются, будто хватая воздух. Ляля захлёбывается. Она глотает горько-солёную воду...

Дна нет.

И вдруг рядом с ней появляется под водою какое-то жёлтое пятно.

Оно растекается и колеблется. Длинные щупальца тянутся к ней. Что это? Это кто-то услышал, что Ляля кричит, и пришёл спасать её.

— Мама, мама! — кричит под водою Ляля, захлёбываясь водой.

Над её макушкой бегут пузырики.

А тот, кто пришёл её спасать, быстро и крепко хватает Лялю за волосы. Ляле тоже хочется поскорей ухватиться за этого человека. Хочется выплыть, вздохнуть, дышать.

Она рвётся из рук и то на минутку всплывает, то опять уходит под воду. Но этот невидимый крепко держит Лялю за волосы. Он волочит её за собой.

— Ой, отпусти-те! — кричит Ляля.

Её отпускают. Ляля становится на ноги. Во рту и в носу у неё вода. Она дышит, широко раскрывши рот. Она подымает тощие руки и словно дышит руками...

Отдышавшись, она замечает Люду. Значит, это Люда её спасла!

Лицо у Люды довольное и хитрое. Люда вытащила её из воды. За косы вытащила... А, может, это она только баловалась и нарочно тянула её не за руки, а за косы?..

— Ишь ты, чуть не потопла! — говорит Света. — Идём скорее на бережок. Отогреешься...

— Не пойду!.. — икая и задыхаясь, вдруг говорит Ляля. — Людка в воде таскала меня за волосы.

— А ты ж как хотела? За пятки, чтой ли? — удивляется Люда. — Утоплых всегда таскают за косы...

И вдруг она замечает, что Ляля вся синяя.

— Идём же, ну! — говорит Люда.

Но Ляля не отвечает. Она плюёт солёной водой.

— Замёрзнешь! — кричит, испугавшись, Люда и, вдруг подхватив Лялю подмышки, волочит её за собой.

— Пусти!!!

Но Люда не слушает. Люда бежит к берегу, а Ляля бьёт ногами по воде и отбивается от Люды изо всех сил.

— Мне больно! — кричит Ляля и плачет. — Ты зачем таскаешь меня, как деревянную!

— Да ты же тонула! — говорит Люда.

— Эх, и купаться даже не может! — говорит Света, когда Ляля и Люда выходят на берег.

Ляле горько и холодно.

«Им хорошо! — задыхаясь, думает она. — Я бы тоже так плавала, если б у нас на Староневском прямо под окошками было море!.. Они здешние... Море ихнее...» И, вдруг заплакав, она кричит:

— Чтоб... чтоб такая большая и так за косы хвататься!

— Гляди-ка!.. Бабке хочет наябедничать, — толкая Свету, говорит Люда.

— Вам хорошо! Море ваше! — плача, говорит Ляля, садится на песок и торопливо натягивает платье на мокрое тело.

В это время подходит к берегу большая лодка, груженная камышом. От камышей пахнет сыростью, болотной травой и плесенью. Какой-то старик закатывает брюки и выходит из лодки.

— А зачем ему камыши? — спрашивает сквозь слёзы Ляля.

— Как так «зачем»?.. А печку топить? Разве у вас без печей живут?

Ляле стыдно сказать, что у них в городе дом без печей, без собачьей будки, без деревьев в саду, без моря.

— Печки нет, — говорит она. — Зато есть двор, и есть трубы, и паровое... И есть кочегар. Он топит один на весь двор. А в доме семь этажей... И после войны все стёкла новые поставили, а са-

ды у нас посредине города. Там ограды и памятники. Есть даже памятник дедушке Крылову — вот который про слона и моську сочинил. Немец в него как целил, а не попал... Он сидит на камне и вокруг петухи, и кошки, и есть журавль... Не живой, а тоже памятник...

— Завралась,— говорит Люда,— думаешь, не видали мы памятника? У нас тоже есть памятник «Жертв Революции». С флагом.

— А у нас есть поле «Жертв Революции», — говорит Ляля. — Посредине города. Всё в цепочках.

— Ой-я! — говорит Света и разводит толстыми ручками.

— Завралась! — говорит Люда. — Цепки не может быть посреди поля. Какая такая цепка?

— А вот такая! — говорит Ляля. — Можешь даже маму мою спросить.

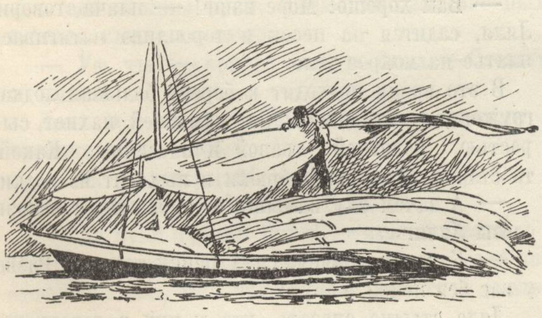
— И спрошу, что ты думаешь?

— А мой папа был в Африке,— говорит Ляля.— Там дети бегают голые посредине города... Он сам видал.

— Так ты думаешь, мы не слыхали про Африку?! — говорит Люда.— А голые потому, что капиталисты там. Когда у нас Михайловна овдовела, так ей из Рыбтреста сразу выдали ордера на калоши и полупальтики для всех пятерых ребят. А в Африке малолетки голые!..

— О-лень-ка! — кричит, показавшись вверху над скалою, тётя Сватья и придерживает рукой край летящей косынки.— Ты, что ж, загулялась, деточка? Мамочка кличет, по саду бегает. «Не утопла бы», — говорит. А я говорю, грех накликаете, Зинаида Михайловна! Зачем ей утопнуть? Дитё гуляет... Так ты обедать иди, Оленька. Обедать тебе сготовлено.

Ляля смотрит вверх на скалу, на тётю Сватью, на её растрепавшиеся от ветра волосы, на её летящий платок и вспоминает, что ей и в самом деле очень хочется есть.

(Продолжение следует.)

ЧАСЫ

А. Кардашова

У мамы часики блестят,
Чуть слышно, тоненько стучат.
В них зубчики, колёсики,
Пружинки, как волосики...

А есть ещё часы у нас
Над бабушкиным креслом.
Их папа сам в неделю раз
Заводит с громким треском.

Эти час за часом
Отбивают басом.

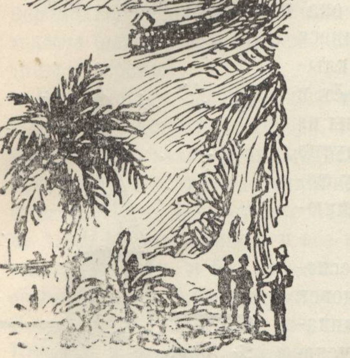
А есть на площади часы,
Их стрелки — чёрные усы,
Идут они с подскоком,
Двигаются током.

Часы ни капли не похожи,
Но все твердят одно и то же,
И все таращат круглый глаз:
— Смотри, смотри, смотри на нас:
Двенадцать, два, четыре, шесть,
Пора гулять, работать, есть,
Все по часам живут всегда,
Забудешь нас, тогда — беда.
Ты на урок придёшь не в срок,
Тебя не пустят на порог,
Забудешь нас, придёшь в кино,
А там всё кончилось давно.

Смотри, смотри, смотри на нас
И помни времени приказ.

Мы путешествуем по родной стране

Каждое лето миллионы советских школьников отправляются в далёкие и близкие путешествия по родной стране. Своими глазами они видят, как живёт и трудится великая семья советских народов, как отстраиваются города, как воздвигаются фабрики и заводы, как крепнет богатство и могущество нашей Родины.

В прошлом году московские пионеры и школьники совершили путешествия по разным республикам Советского Союза. Ребята Бауманского района побывали в Армении, Свердловского — в Эстонии, Молотовского — в Туркмении. Все они привезли из путешествий интересные дневники, фотографии, карты и рисунки. И, конечно, узнать о том, что они видели, интересно всем читателям нашего журнала.

Первыми рассказывают о своём путешествии по Карело-Финской республике ребята Краснопресненского района Москвы.

В краю озёр

Из окна вагона

...На третий день утром мы спозаранку прилипли к окнам. Навстречу поезду бежал карельский лес. Он и похож и не похож на наш. Здесь больше хвойных деревьев, и от этого весь лес бархатисто-тёмный. Величественные и стройные сосны, густой зелёный подлесок по опушке. На солнечных прогалинах лиловато-розовые ковры вереска.

Потом вдруг начинается редколесье с приземистыми соснами, с ковром черники внизу. Но вот между деревьями зеркалом блеснула вода. Это — Онежское озеро. Водная гладь теряется в утренней дымке у горизонта. Поезд идёт вдоль берега.

Ветхими, старинными домишками встретила нас окраина Петрозаводска. Но это только окраина. Потом перед нами открылись прямые, широкие улицы современного города. Мы много раз ходили по этим улицам, любовались красивым зданием Северной гостиницы, памятниками Ленину, Кирову, Петру Первому.

Петрозаводск! В самом названии города отзвук его истории!

Пётр был первым, кто оценил природные богатства Карелии. При нём на территории теперешнего Петрозаводска была найдена железная руда, и в 1702 году был построен Онежский металлургический завод. Заброшенный, а потом снова возрождённый Онегозавод при советской власти стал одной из мощных металлургических баз в стране. И Петрозаводск — глухой, таёжный городок в прошлом — стал столицей Советской Карельской республики.

В тайге

Вот мы и в пешем пути. Шагаем уже не один час, а кругом — всё лес да лес. В сущности, это даже не лес, а тайга. Вершины вековых деревьев шелестят в вышине, среди густой травы сплетаются корни, медвежьими спинами при-

Маршрут нашего похода отмечен на этой карте. Её начертил Саша Строганов.

Это водопад Кивач. Между первым и вторым его порогами, ощетинившись, торчат застрявшие брёвна. Вдалеке видна спокойная река Суна.

валились к стволам валуны. Их тут множество: то небольшие — в рост человека, то огромные — с избу и больше. Одни изумруднозелёные, плюшевые, одетые мхом, другие — покрытые голубовато-серыми лишайниками, словно сединой, у третьих — медно-красные бока. Там, где попадаются «бараньи лбы» — обточенные ледником скалы, — сосны стоят реже: трудно им расти на неприютном камне, цепляясь корнями в расселинах.

В Карелии почти нет места, чтобы было далеко до какого-нибудь озера или озерка. Их тут больше сорока тысяч. Лес, камни, озёра. Озёра, камни, лес. Такова природа Карелии.

В этом нетронутом лесу — ягодные богатства. Полянки и прогалины, лиловые от черники. За ягодой не видно зелени. Мы бы шли куда быстрее, да ягоды соблазняли нас, как Красную Шапочку.

Как бы то ни было, но мы всё же дошли до Кончозера, которое лежит на нашем пути к водопаду Кивач. Весь день ушёл на знакомство с озером: тут самая северная в СССР из лимнологических станций, изучающих жизнь озёр. А вечером мы сели на лодки и поехали по озеру.

Долго-долго в шелковистой глади воды и в непрерывно меняющихся оттенках облаков гасла и не угасала заря. Потом озеро закуталось в туман. А ночь так и не пришла, только небо стало совсем белым, и в призрачном, без теней свете можно было свободно читать. Солнце шло где-то близко за горизонтом. Дальше на север, где-нибудь в Хибинах, оно и совсем не прячется в это время. Мы причалили к маленькому островку, необитаемому, безмолвному, и пошли, точно робинзоны, в поисках чего-то таинственного. Кто-то крикнул:

— Как хорошо!

И эхо семь раз ответило: «Хорошо, хорошо, хорошо...»

— Тише, ребята, всю рыбу распугаете, — вдруг услышали мы чужой голос.

Оказывается, мы помешали самому обыкновенному, ничуть не таинственному и не призрачному рыболову.

Кивач

Сначала мы услышали шум, ровный и несмолкающий. Потом увидели водопад. Издали Кивач не особенно поразил нас. Но чем ближе мы подходили, тем оглушительнее становился грозный рёв разъярённой воды. Четырьмя всё увеличивающимися скачками она прорывает скалы, изрезанные, ощерившиеся сотнями каменных клыков. Белая струя бьёт в чёрный камень. Сосны на другом берегу смутно видны сквозь завесу водяных брызг и бушующей косматой пены.

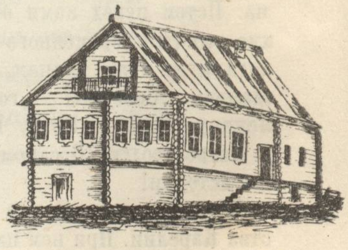

Памятник старины — кондопожская рубленая церковь. Юра Суслов нарисовал её с натуры.

Маленьким и беспомощным кажется человек рядом с бешеным великаном — Кивачом. Но человек не беспомощен! Он ведёт войну со стихией и побеждает.

Водопад издавна мешал сплавлять лес по реке Суне. Разбивалась в щепы, превращалась в труху едва ли не половина древесины. Брёвна застревали в расщелинах между камнями, образуя гигантские завалы. Тогда Кивач вздувался пенистой горой, и сплав останавливался. Нужно было выбить нижнее бревно, чтобы он снова пошёл. И, бывало, сплавщики погибали, пока им удавалось это сделать.

Так было много лет, а в годы советской власти было построено приспособление, обезопасившее труд сплавщиков. Рабочий стал управлять ходом брёвен из люльки, подвешенной на канате. А сейчас построен обводный канал. Брёвна плавно скользят по деревянному лотку, и скоро только в рассказах стариков - сплавщиков останется воспоминание о страшных завалах и о человеческих жертвах на Киваче. Свидетельством прошлого остались только нагромождения брёвен между первым и вторым порогами Кивача.

Так выглядит карельский рубленый домик. И его нарисовал Юра.

В Кондопоге — городе, выросшем за годы советской власти, — кончился первый этап нашего пешеходного маршрута. Здесь мы остановились, чтобы побывать на известном всей стране Целлюлозно-бумажном комбинате имени Кирова.

Мы были на экскурсии в комбинате. Переходя из цеха в цех, мы наблюдали удивительное превращение карельской сосны в бумагу. На наших глазах в течение сорока минут ещё пахнущие смолой огромные сосновые брёвна превращались в гигантские рулоны бумаги. Больше всего нас поразила дробильная машина, которая перемалывает дерево в опилки. Какой мощи она должна быть, чтобы «пережёвывать» такие громадины — сосны!

В Кондопоге вообще много интересного. В четырёх километрах от города, в селе того же названия, есть замечательный памятник старинного русского зодчества—деревянная церковь. Она построена более двухсот лет назад, когда на Севере люди не знали пилы и все постройки делались только топором и без гвоздей. Мы удивились необыкновенной красоте этого рубленого храма. Стремительно взлетает вверх главный его сруб. Простой, строгий. На фоне зелёной равнины, озёр и туманной полосы дальних лесов церковь кажется очень высокой. По ветхим, полусгнившим ступенькам мы поднялись на колокольню. Она сорока пяти метров высотой. С неё нам интересно было осматривать окрестности Кондопоги.

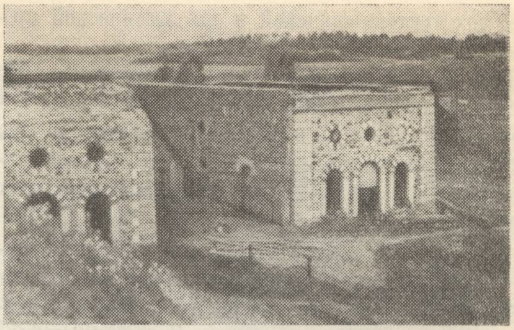
В карельских сёлах много ещё сохранилось и домов, построенных топором. Они в два этажа: верхний — для жилья, а нижний — для кладовых помещений, без окон.

Водяная лестница

«Повенец — всему миру конец» — гласит старая поговорка. Она родилась в далёкие дореволюционные времена. В Повенец ссылали революционеров. Здесь в 1904—1905 году отбывал ссылку Михаил Иванович Калинин.

В Повенце мы увидели возрождённый Беломорско-Балтийский канал. Вдоль канала шла линия фронта, и добрая половина трассы была разрушена полностью, а всё остальное очень повреждено. Но канал восстановлен, он построен почти заново. Снова действуют все шлюзы плотины, водоспуски, каналы, соединяющие Балтику с Белым морем.

Старая поговорка теперь не годится: мимо Повенца пароходы уходят в плаванье, в дальние страны. Теперь надо бы говорить: «Повенец — всему каналу венец». Это — самое удивительное сооружение на всём Беломорканале. В Повенце

Около двух озёр, Кончозера и Пертозера, до сих пор сохранились развалины металлургического завода, построенного при Петре I. Мы осмотрели и сфотографировали их.

встречаются два отрезка трассы: один — идущий от Белого моря, другой—от Балтики. Здесь разница уровней воды составляет несколько десятков метров. Как же пароходу взобраться на эту высоту? А так, как мы взбираемся на верхний этаж дома, — по лестнице. Семь повенчанских шлюзов— это семь водяных ступеней, это лестница великанов. По ней-то и поднимаются великаны-пароходы.

В пещерах Русскеалы

Русскеала — у Ладожского озера, близ границы с Финляндией. Сюда мы попали после Повенца. В прошлом веке в Русскеале были открыты залежи мрамора. Его добывали понемногу ещё до революции.

Тёмнорозовые колонны Исаакиевского собора сделаны из русскеальского мрамора. Серо-голубая лестница Михайловского замка в Ленинграде — тоже. Но только теперь, восстанавливая разрушения, нанесённые фашистами, начали по-настоящему разрабатывать мрамор в Русскеале: и

Заново отстраивается Петрозаводск. В строительных лесах стоят многие здания города. При нас закончили строить Северную гостиницу. Посмотрите, какая она красивая!

для архитекторных целей и для химической промышленности.

Ещё издали мы услышали стрекот пневматических молотков. Потом перед нами открылся огромный котлован, а в нём — прозрачное до дна озерко. В отвесной скале котлована темнели отверстия пещер. Они получились путём выработки мрамора.

Пещеры заворожили нас. Казалось, мы в каком-то сказочном дворце. Зеленовато-голубые, бледно-синие, белые, розовые и кровавокрасные оттенки мрамора видели мы вокруг. Вырубая мрамор, горняки оставляют мощные колонны, чтобы не обрушивались гигантские своды пещер. И в полумраке эти колонны отсвечивают разноцветными бликами. Русскеальским мрамором будут отделаны станции ленинградского метро.

Следы зверя

Медвежьегорск расположен близ горы Медвежьей. Нас поразило, что и название горы и её форма удивительно сходны со знаменитым Аю-Дагом на берегу Чёрного моря, у лагеря Артек. И там, как здесь, гора Медведь — Аю-Даг — округлила свою спину, опустив морду вниз. Но там, в Крыму, он припал к воде и «пьёт», а тут «ищет» лакомые коренья и ягоды.

Нам захотелось полазить по каменным бокам Медвежьей горы и её соседей. И вот у нас под ногами древняя, сглаженная спина камня. Серый диабаз, серый мох... В расселинах зацепились корнями сосны и тянут вверх тонкие, бронзовые стрелки своих стволов. Солнце льёт свои лучи сквозь кружево ветвей. Внизу, через зелень хвои, сверкает тысячами золотых искр голубое озеро. Мы идём, идём и смотрим во все глаза. Так всё хорошо! И вдруг ржавая колючая проволока преграждает путь. Странно видеть её здесь, в этом сияющем море зелени и синевы. Проволочные заграждения были сделаны добротно, в несколько рядов, с крепкими железными стояками. Дальше — окопы, вырубленные в скалах. Ещё выше — злобно ощерилась амбразура дота. Бетонное чудовище взорвано и развороченно, но и сейчас оно смотрит мрачно и угрожающе. Вокруг ни одного деревца. Только обгорелые пни и осколки гранита. Внутри дота подземные казематы со стальными дверями, станки пулемётов и орудий. Здесь была война. Мы в берлоге фашистского зверя, который разорял и терзал эту вот весёлую зелёную карельскую землю.

Но зверь изгнан, и раны залечиваются. На пустырях вырастают здания в кружевах строительных лесов, шумят машины в оживших цехах, снова идут гружёные пароходы по Беломорскому каналу.

Двадцать пять дней пробыли мы в Карелии. И то, что видели, на всю жизнь осталось в нашей памяти. Думая об этом теперь, мы вспоминаем образ героя народной сказки: богатырь, изрубленный и растерзанный лукавым недругом, снова встаёт ещё более могучий и прекрасный, когда его обрызгали чудодейной живой водой. Карелия — такой богатырь, живая вода — неиссякаемое трудолюбие советских людей, их воля, их вера в правое дело, их любовь к Родине.

Лёня Гордон,
Инна Петровская,
участники путешествия по Карелии

Мы не только ездили по Карелии. Около трёхсот километров мы прошли, как настоящие путешественники: с рюкзаками за плечами, устраивая привалы под открытым небом. На этом снимке — мы в окрестностях Медвежьегорска. За нами — Медвежья гора, справа — ещё не снятая колючая проволока: здесь проходила линия обороны.

Правда об Индии

На нашу книжную полку почти одновременно стали две книги об Индии. Одну из них — повесть Э. Выгодской «Опасный беглец» — издал Детгиз. Вторая книга — «Индия без чудес» — принадлежит перу журналистки Ольги Чечёткиной. Книга вышла в издательстве «Молодая гвардия».

Темой для повести Э. Выгодской послужило восстание сипаев — солдат-индийцев, состоявших на службе у англичан. Вспыхнуло это восстание в 1857 году.

Путевые заметки Ольги Чечёткиной относятся к 1947 году, когда, будучи членом делегации Всемирной Федерации демократической молодёжи, автор посетила Индию, Бирму, Малайю, Индонезию.

Итак, события, описываемые в этих двух книгах, разделяет большой промежуток времени. Многое в мире изменилось за эти 90 лет. Парусный транспорт «Оливия» с Дженни Гаррис, одной из героинь повести, на борту отвалил от стены Арсенальной набережной в Лондоне сырым и туманным мартовским утром. А бросил якорь в Калькуттском порту только много месяцев спустя, в разгар лета. Всего лишь на пятый день после вылета из Англии самолёт с делегатами Всемирной Федерации молодёжи опустился на аэродроме в Дели — столице Индии, — городе, который был славен и велик, когда Лондона ещё не было на свете.

Дели... Это название принадлежит двум городам — Старому и Новому. Они лежат рядышком, хотя отличаются один от другого, как небо от земли.

«Новый Дели, — читаем мы в книге Ольги Чечёткиной, — это широкие авеню, усаженные пальмами и кипарисами, это колоссальный сад, в котором утопают красивые, светлые особняки с большими зеркальными окнами и открытыми террасами... Тут живут англичане и местные богачи».

Этих проспектов, которые сходятся к огромной зелёной площади с двумя великолепными бассейнами, не видел и не мог видеть «опасный беглец» — сипай Инсур, один из предводителей восставших, — когда 90 лет назад с высокого холма любовался он видом Дели. Новые кварталы англичане построили уже после того, как залили кровью восставших старинные улицы.

Но есть Старый Дели — город бедноты. И там, в этом городе, мало что изменилось с тех времён, когда маленькая Лела, дочь Инсура, пришла сюда с важным донесением для повстанцев... Представители передовой молодёжи мира в Старом Дели увидели «Индию без чудес»: жалкие лачуги, измождённых, оборванных людей...

Прочитав повесть «Опасный беглец», вы узнаете, как английские колонизаторы применяли в Индии старинное правило римских императоров: «Разделяй и властвуй», — как всячески сохраняли они и поощряли деление людей на касты. Это деление английские властители искусственно поддерживают и по сей день. И по сей день 60 миллионов индусов принадлежат к касте «неприкасаемых» — к ним даже прикасаться нельзя представителям высших каст. Самую чёрную, самую тяжёлую работу за нищенскую плату выполняют «неприкасаемые».

И вот в один из посёлков, где живут люди этой касты, пришли делегаты Федерации. «Молодой индус, вызвавшийся быть нашим проводником, — пишет Ольга Чечёткина, — сказал женщинам, указывая на меня:

— Она из Советской России. Помните, я рассказывал вам о стране, где все люди равны.

И тогда произошла потрясающая сцена: женщины подняли детей на руки и протягивали их мне, прося благословить на счастье. По их чёрным, исхудалым щекам текли слёзы, а ребята доверчиво протягивали свои тоненькие, как тростинки, ручки...»

Некоторое время спустя, приехав в Мадрас, члены делегации пошли на фабрику. В маленькой комнатушке на полу сидел взрослый рабочий, а вокруг него с полдюжины детей. Самому маленькому из них — Кандесами — едва исполнилось пять лет. Дети, как и взрослые, работали с восьми утра до шести вечера. Получали же они от двух до шести анн. А чтобы купить рису на два — три дня, надо истратить рупию — 16 анн.

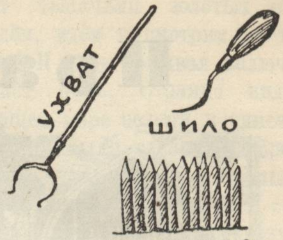
Таково положение подавляющего большинства населения. Но не забыли индусы восставших сипаев, не забыли, за что сложили головы Инсур-панди и его товарищи. Чудо Индии — это её народ, — вот о чём думаешь, прочитав эти книги. «Столетиями английские колонизаторы и «своя» буржуазия пытались поработить его, — пишет Ольга Чечёткина. — Всё отнято у него: земля, реки, богатства страны, культура, грамота. Веками ему навязывали чужой образ мыслей, чужой язык, пригибали к земле, твердили: «Ты раб, рождённый работать на других!» Но народ не покорился. Он не хочет мириться с долей бесcловесного раба, он выпрямляется, набирает силы для решающих боёв».

С. Гарбузов

ТАЙНА СЛОВ

А. И. Тихомирова,
преподавательница 349-й московской школы

На столе в учительской лежит классный журнал 5-го класса «А». Давайте заглянем в него. Вот страница русского языка. В списке сорок человек. Посмотрим, какие отметки по письму были у ребят в первой четверти: три пятёрки, восемнадцать троек и даже три двойки. Пятёрка — редкая гостья в тетрадях пятиклассников!

Почему это так? Почему так трудно даётся ребятам русский язык?

Часто наши школьники на вопрос, какой предмет они любят больше всего, отвечают: литературу, математику, физику, историю, географию — и редко в числе любимых предметов называют русский язык.

— На уроках русского языка скучно, — говорят ребята, — заучиваешь разные правила, разбираешь слова и предложения. Многое из этого очень скоро забывается. И даже когда правила знаешь, всё равно в диктанте или изложении опять ошибки делаешь.

Мне хочется поспорить с этими ребятами. Они неправы. На уроках русского языка, так же как и на уроках математики, физики, нужно наблюдать, придумывать свои задачи и постоянно спрашивать себя: зачем, почему? К примеру возьмём тему «Состав слова». Вы хорошо знаете, что такое корень, приставка, суффикс, окончание, умеете найти эти части в каждом слове. Во время такого разбора мы узнаём, что названия многим предметам даны по их значению, по их внешнему виду, по сходству с другими предметами, по их местонахождению или каким-либо другим свойствам. Ведь когда мы называем гриб подосиновиком, то название это говорит, что гриб растёт под осиной. Напёрсток получил своё название от того, что он надевается на палец, а валенки называются поярковыми тогда, когда они сделаны из шерсти молодой овцы (ярки). Но об этом ребята часто забывают. На экзамене по русскому языку в 5-м классе я слышала, как один мальчуган хорошо и толково рассказал, что́ называется корнем слова. А в диктанте он написал: «пирчатка». Вот и выходит, что правило-то он знал, а подумать над тем, как применить это правило на практике, не сумел. А следовало бы этому пятикласснику, прежде чем писать, сообразить, каков корень слова «перчатка», и тогда, поняв, что речь идёт о пальце (по-славянски «перст»), он не сделал бы такой грубой ошибки.

Изучая состав слова, мы прежде всего должны вдуматься в значение корня, подыскать родственные слова. Тут возникают иной раз самые неожиданные задачи; чтобы решить их, нужна «экскурсия» в далёкую историю возникновения этих слов и, самое меньшее, в словарь, в справочник.

Подумайте, нет ли сходства в словах «корка» и «скорлупа», найдите их общий корень. Что́ связывает слова «дружина» и «дружба», «лук» и «излучина», «уста» и «устье», «мех» и «мешок»? Разве это не задача?

Или подумайте-ка о том, как понять слова в сказке Пушкина «О мёртвой царевне»: «Руку правую потешить, сорочина в поле спешить»?

Сравните слово «спешить» со словом того же корня в басне Крылова «Крестьянин и работник»: «Опешил бедный мой Степан».

Какое богатство русского словаря раскрывается перед нами, когда мы начинаем постигать законы образования слов!

Возьмём слово «крыло». Его первоначальное значение — крыло птицы. Птица укрывается крылом, под крыло собирает своих птенцов. Но крыло также есть и у самолёта. Крыло бывает у дома.

Будем подыскивать однокоренные слова: «крыша», «крыльцо», «крышка», «покрышка» (колеса), «укрытие», «покрывало», «скрыть», «сокрыть», «сокровище», «окрылённый», «кров». Оказывается, «крыша» и «сокровище» — слова одного корня. Мы не заканчиваем этой таблицы, продолжите её сами. Такая работа заставит вас вдумчиво относиться к значению слов, обогатит вашу речь и в то же время поможет усвоить орфографию, приучит правильно писать тот или другой корень.

Знакомясь с составом слов, мы узнаём, как образуются новые слова при помощи суффиксов, и всякий раз убеждаемся, что у каждого суффикса, у каждой приставки и окончания своё назначение.

Лет десять тому назад в журнале «Пионер» появилась статья писателя Л. Успенского под странным названием «Глокая куздра». Недоумение читателей возрастало с каждой строчкой. Да и как было не удивляться, если в статье говорилось о профессоре, который предложил студентам разобрать такую фразу:

«Глокая куздра штено будланула бокра и курдянит бокрёнка»!

Студенты сначала заявили, что разобрать это предложение невозможно, так как написано оно на каком-то непонятном, тарабарском наречии. Но профессор утверждал, что, зная грамматику, в этой «тарабарщине» отлично можно разобраться.

В самом деле, где тут подлежащее? Очевидно, «куздра», поскольку именно она «будланула бокра», а слово «будланула» по строю своему, конечно, сразу напоминает вам глагол прошедшего времени. Итак, «будланула» — это действие. Кто из вас догадается, быстрое или медленное? Ну, конечно, быстрое, — быстроту эту придаёт глаголу суффикс «ну», иначе — в длительном действии — было бы «будланила».

А кто это такой «бокр»? Ясно, что это — живое существо, иначе было бы «будланула бокр», ведь в винительном падеже неодушевлённые предметы имеют то же окончание, что и в именительном.

А кто такой «бокрёнок»? Надо думать, детёныш бокра. Вспомните телёнка, жеребёнка, котёнка. У всех у них один суффикс — «ёнок».

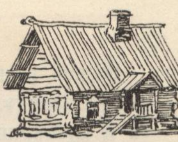
А что такое, по-вашему, «штено»? Вероятно, наречие, не так ли? Попробуйте объяснить, по каким признакам мы узнаём, что «глокая» — прилагательное? По окончанию «ая», которое показывает, что это прилагательное женского рода. А что же значит корень этого слова — «глок»? Ничего не значит. И всё слово «глокая» ничего не значит, это — не слово, а модель прилагательного женского рода. Оно похоже на настоящее слово только потому, что к бессмысленному сочетанию звуков «глок» прибавлены настоящий русский суффикс и окончание.

И вот выходит, что одно только знание грамматики, знание законов, по которым строятся и сочетаются между собой слова, помогло нам разобраться в этой «тарабарской» фразе. Решить эту задачу помогло знание законов языка. Без такого знания не сумеешь по-настоящему почувствовать родную речь, понимать и различать все её краски и оттенки, всю её поэзию.

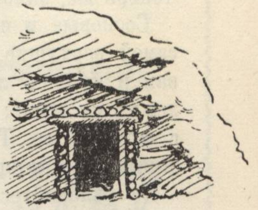
Будьте же пытливы, раскрывайте смысл слов и связь их между собой, ищите решение лингвистических задач в грамматике, словарях — и вы увидите, что заниматься русским языком так же интересно, как и физикой, математикой и другими предметами.

Думайте, соображайте, ищите — и вы сделаете немало увлекательных открытий!

КРЫША

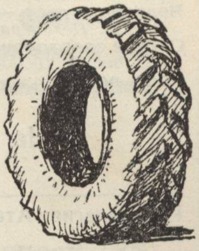
КРЫЛЬЦО

УКРЫТИЕ

ПОКРЫВАЛО

ПОКРЫШКА

В поход за семенами

Весной развернётся наступление советских людей на засуху. Будут посажены миллионы деревьев и кустарников, заложены тысячи питомников. Для питомников нужно собрать много древесных семян. И в этом вы, ребята, можете помочь Родине!

У большинства деревьев и кустарников семена созревают и осыпаются осенью. Но на голых ветвях липы, клёна, ясеня, белой акации, гледичии, лиственницы, на вечнозелёных елях и соснах семена висят всю зиму. Поэтому вы можете теперь же, зимой, заняться сбором семян.

Сосновые и еловые шишки растут высоко, на самой верхушке, и добраться до них трудно. Но вам и незачем лазать по деревьям. Много шишек лежит на земле: их сбрасывают белки и срывает с веток ветер. Только собирайте нераскрывшиеся шишки, из которых не высыпались семена.

Не увлекайтесь сбором семян клёна ясеневидного: он хоть и быстро растёт, но недолговечен. Не собирайте семена с больных и кривоствольных деревьев: из них может вырасти больное потомство.

Сбор семян производите в сухую погоду.

На мешочках с семенами не забудьте указать породу деревьев и место сбора. Собранные семена храните в хорошо проветриваемом, прохладном помещении: в тёплом и сухом месте семена могут пересохнуть и потерять всхожесть, в слишком сыром они заплесневеют.

Обязательно проверьте всхожесть семян. Для этого отсчитайте сотню семян, надрежьте ножом каждое семечко и определите, сколько из них пустых или гнилых. Когда вы подсчитаете здоровые семена, вы сразу определите процент всхожести семян.

Семена, посеянные весной, всходят только через год. Чтобы семена проросли этой же весной, их нужно подготовить к посеву, или, как говорят лесоводы, стратифицировать. Для этого собранные семена смешайте с влажным песком и поставьте в погреб. Следите, чтобы песок не просыхал. Оболочка семян к весне набухнет, и семена, высаженные в землю, взойдут скорее.

Ранней весной, как только сойдёт снег, можно собирать упавшие на землю осенью проросшие жёлуди и семена клёна, липы, ясеня и других деревьев. Такие семена, посаженные в питомнике, взойдут быстро.

Если на сбор семян выйдут все пионеры вашего отряда, вы соберёте столько семян, что их хватит не только для вашего школьного питомника,— часть семян вы сможете передать соседнему колхозу или лесничеству.

П. С. Кондратьев,
кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: рисунок Б. Берендгофа „В Горках Ленинских“

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 12/1—49 г. Изд. № 67. 82×110. 1/16 бум. листа.

А 00807. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ № 2606.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Вниманию юных филателистов

Марки для коллекций

В БОЛЬШОМ АССОРТИМЕНТЕ

Каталог почтовых марок СССР

ЦЕНА — 12 Р. 50 К.,

С ПЕРЕСЫЛКОЙ — 14 Р. 50 К.

Наклейки для марок

ЦЕНА ПАКЕТА — 2 Р. 25 К.

Зубцемеры для марок

ЦЕНА — 2 Р. 25 К.

Брошюра «Консультации для начинающего филателиста»

ЦЕНА — 1 РУБ.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

в магазинах Когиза и киосках «Союзпечати»

Заказы по почте выполняют следующие филателистические магазины при получении всей стоимости заказа и почтовых расходов (оплата заказов производится только почтовым денежным переводом):

магазин № 63 Могиза — Москва, Кузнецкий Мост, 20,

магазин «Филателия» Ленокогиза — Ленинград, Невский просп., 78

Филателистическая контора КОГИЗА

Цена 2 р. 50 коп.

ЗДЕСЬ НАРИСОВАНЫ СЕМЕНА ЛЕСНЫХ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ:

1. ели, 2. сосны, 3. лиственницы сибирской, 4. дуба, 5. ясеня американского, 6. ясеня обыкновенного, 7. вяза, 8. береста, 9. липы, 10. клёна остролистного, 11. клёна татарского, 12. клёна полевого, 13. берёзы, 14. граба, 15. гледичии, 16. белой акации, 17. груши, 18. яблони, 19. абрикоса, 20. белой шелковицы, 21. жёлтой акации, 22. вишни, 23. лоха, 24. лещины или орешника, 25. кизила, 26. аморфы, 27. скумпии, 28. жимолости татарской, 29. золотистой смородины, 30. бересклета, 31. облепихи и 32. шиповника.